ЦЕНА номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

Июль 1929.

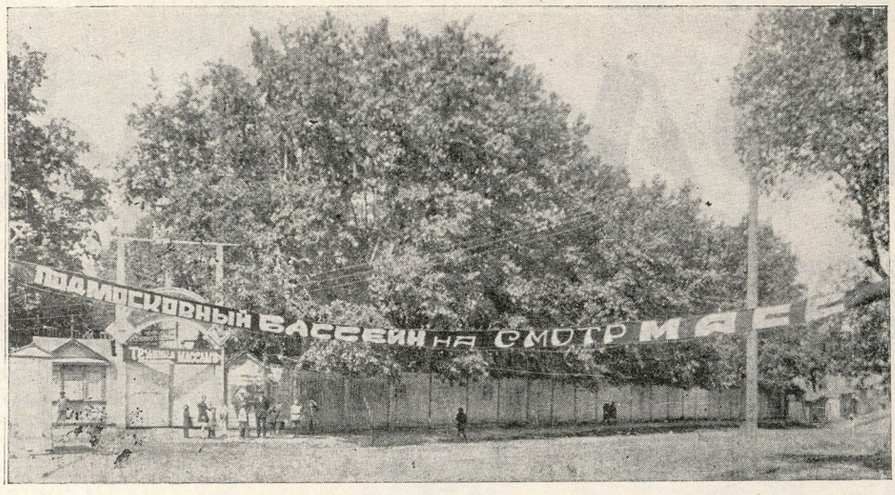
Журнал Тульской Ассоциации Пролетарских Писателей.

№ 7-(32)

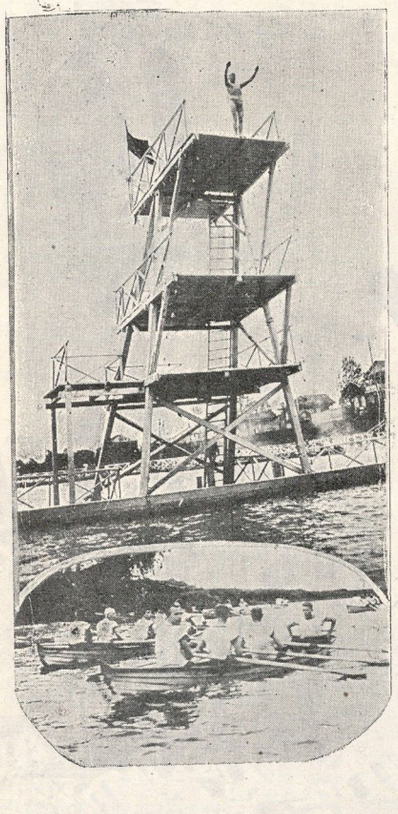
Включим в соцсоревнование борьбу с религией, пьянством, темнотой!

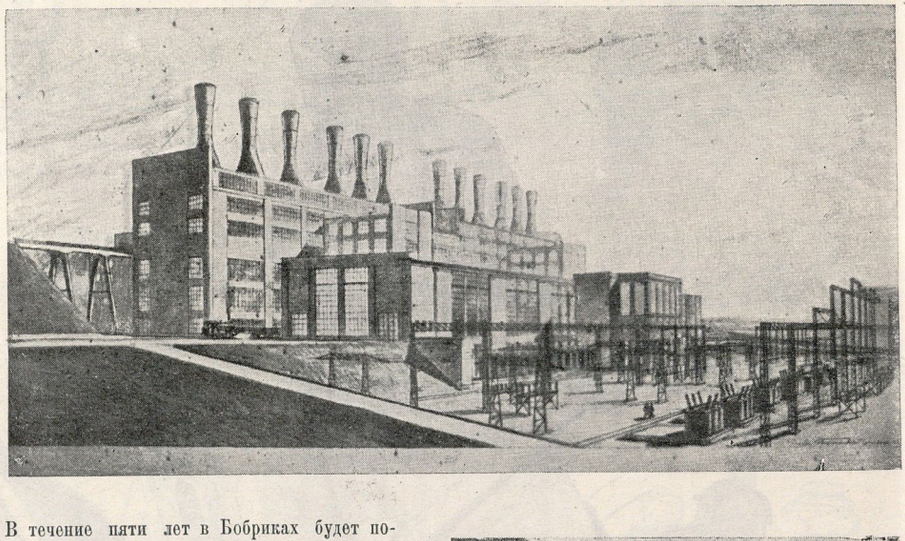
Коротко о многом.

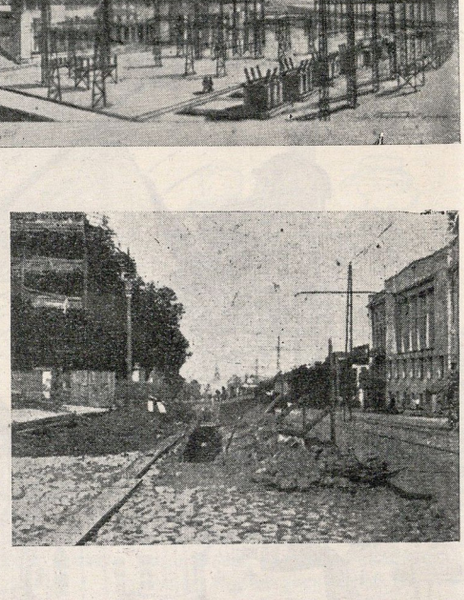

СПОРТ НА РЕКЕ УПЕ.

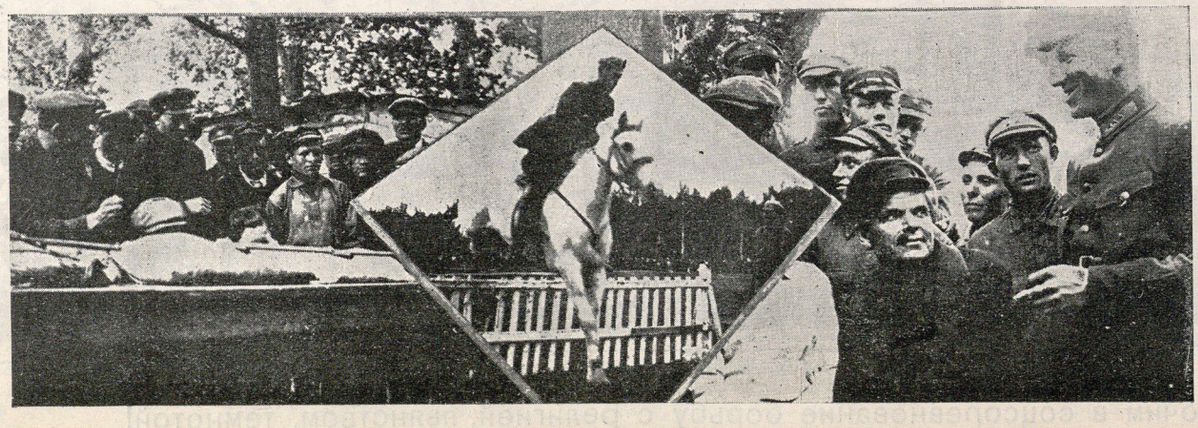

В течение пяти лет в Бобриках будет построен мощный промышленный комбинат: электростанция, в 300 тысяч киловатт, химический, углеперегонный, силикатный, кирпичный заводы, шахты, оборудованные по-американски, фабрика-кухня, трамвай, клуб. На снимках: 1) Общий вид выставки Подмосковного бассейна в Туле. 2) (ниже) Эскизный вид Бобриковской электростанции. Справа (ниже) Канализация ул. Коммунаров.

В праздник смычки трудящихся с Красной армией лагери посетили десятки тысяч гостей. На снимках: вверху страницы справа—Пушбол, подаренный Красной армии губпрофсоветом. Внизу страницы: В тире.—На скачках.— Красноармейцы беседуют с рабочими

Ежемесячный литературно-художествен. журнал

МОЛОТ

Тульской ассоциации пролетарских писателей

IV год издания. | Июль 1929 года. | № 7 (32)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ОДЕССА 5 9 19

Сторожевой набат.

Тысячи, тысячи,
Тысячи рублей—
На ветер, к чорту!
На злую отраву!..
Гей! Не препятствуй
«Рассейскому нраву» —
Лей, не жалея,
И пей—не жалей!..

Канули в вечность
Гнилые года
Стонов кандальных
В сивушном дурмане.
Долго ль платить
Государству труда
Змею зеленому
Черные дани?

Долго ль во всю
Развернуться не мочь
В деле строительства
Нового мира,
Щедро швыряя
В кабацкую ночь
Сотни Свирстроев
И сотни Каширок?

Кто виноват,
Что безумящий яд
Силы страны
Подсекает, проклятый?
Вы виноваты!
И я виноват!
Все, поголовно,
Равно виноваты!

Разве мы к пьянству
Относимся так,
Как мы относимся
К язве заразной?
Разве пугает нас
Чадный кабак
Буйным безумьем
Гульбы безобразной?

Злое наследье
Минувших времен,—
Время забыть
Алкогольные реки.
Звон похор нный,
Бутылочный звон,
Нужно заставить
Умолкнуть навеки!

Прочь любованье
Кривляньем пьянчуг,
Подлые навыки
Жизни прошедшей!
Пьяный, пятнающий
Трезвый наш круг,
Так же опасен,
Как сумасшедший!

Ан. Безымянный.

Музыка нашей стройки.

Не нежная грусть
виолончелей,
Здесь музыка—
плотничьих пил.
Здесь бодрость
весенних капелей
И запах
сосновых стропил.
Пестрел здесь
заплатой пустырь,
И чахли
крапивы кусты.
Я заметил
с весеннего дня
Навозили
сюда известняк.
И люди,
пропахшие потом,
С утра
принялись за работу.
Пилы
пронзительной стаей
Смычками
по бревнам свистали.
И щепки,
как птицы, взлетали
От звонкой
топорной стали.
И вечер—
в синей рубахе маляр—
Охрой
окрасит закат.
Кучами стружек
плывут облака
И дышут
смолой тополя.

Не струнной
тоской виолончелей
Я песню свою вдохновил,—
Бодростью
вешних капелей,
Музыкой
плотничьих пил.

Сергей Володин.

Состязание жилищ.

За прошлогодней городскою кромкой,
Где гордость города—парк,
Индивидуальные домики
Выстроились на старт.
Темь старых срубов. Горбыли.
Листы железа. Пакли пыль.
И для фундамента и печей
Немного битых кирпичей.
С другого бока,
Тоже в поле,
Немного трогая погост
(Не нужен.
Будет крематорий),
Везут тяжелые моторы
Кирпич, песок, известь и тес,
Азбест, цемент и горы толя
И, сбросив это,
В рейс они
Гремят на станции
За рельсами.
И пока лето не заржавеет,
Бензинный транспорт тарахтит,
И красными этажами
Скребется в небо коллектив.

Александр Есипов.

Каждый день...

Каждый день бьется сердце,
Отрадой горя,
До краев полно буйной
Отваги.
Каждый день, нас встречая,
Проносит заря
На востоке кумачные
Флаги.
Каждый день вдруг опять
Зажигают сердца,
Как одна,
Вдруг срываются руки,
И работа кипит,
И бурлит без конца
В бесконечном мельканьи
И стуке.
Каждый день пот досадливый
Каплет с лица.
Каждый день—
Это шаг от невзгоды!
Каждый день соревнуются
Наши сердца,
Чтобы крепли поля
И заводы.

Михаил Рудин.

Вызов.

Поэтов в Туле—прудить можно пруд.
Все молоды,
В „Молот“ стихи свои прут.
С краю возьмем по порядку Краеву.
Не знаю, придется ли ей по душе!
Пора бы бросить шить и выкраивать
О дали, о доле, о дуле «дюшесс».
«Вроде Володи»—Сергей Володин,
То ли он бродит, то ли он ходит,
То ли «во саду ли»,
То ли «в огороде»...
Ясно одно: поет о погоде.
А Лесной,
Да весной,
В куций клен
Все влюблен.

За весною весна снова.
Тополь, клен ли, дуб ли,
Поцелуями Лесного
Будет вновь облущен.
Нюхал и я одоевские розы,
Но на рифмах к коммуне крыля,
Пошел в первые Т. О. З.'ы,—
До коммуны придется много стрелять.
Глагольною рифмою тыкаясь в груди,
Поэты потеют в певучем труде,
Но даже косогорец Михаил Рудин
Не дал еще стихов о руде.
Я, поэт Александр Есипов,
Вызываю писать красно и песенно.
Тула—штык в мировую реакцию.
Дайте ж об этом стихи редакциям!

А. Есипов.

Повесть Н Арсенова.

ДМИТРИЙ на деревне был самым захудалым мужиком. Жил на краю села в полуразвалившейся избе. Во дворе — ни сарая, ни амбарушки, изгородь повалилась. Под дырявым навесом на шесте имели пристанище две общипанные, безхвостые, с облезлыми головами курицы (очень похожие на самого Дмитрия). Забитая тощая кляча — Пеган бродила по двору... Вот и все хозяйство. А ребят у Дмитрия была куча: Ванька, Минька, Сенька, Панька, Тишка и самый младший рыженький (в отцовскую раздерганную бороденку!) годовалый Михей. Рослая, сильная Мавра – баба Дмитрия—вечно ходила с беременным животом.

— Ни коровенки, ни хлеба нетути, чем кормить-то будем,— в сердцах причитала Мавра.—Мечешься, мечешься день-то деньской, ажно свет не взвидишь, спинушка отнимется. Ну, чего расселся-то,— наскакивала она на Дмитрия.

Тот приподнимался и снизу вверх в страхе глядел на Мавру.

— Сморчок! Соплей перешибешь .. а туда же. У—у, дармоед... наплодил, так корми... Детей-то делать хват, а как работать да на прокорм им доставать, так нет тебя... Уйди с глаз!..

— Ничего не хват,—пробовал возражать Дмитрий,—много на Пегане напашешь, ешь тя горой... Петля на шею, а не жизнь. . Как есть петля!..

— Замолчь!—обрывала его Мавра и в сердцах, подхватив с пола Михея, звонко шлепала его по мокрому заду:—Пропасти на вас нету, окаянные .. Дмитрий виновато моргал глазами и молчал, затая горечь и обиду в сердце... Словно это не Михея, а его била Мавра. Михея он любил больше всех и знал, что Мавра нарочно, чтобы досадить ему, Дмитрию, шлепала Михея.

Когда щуплый и низкорослый в своей рваной шапченке Дмитрий, глядя в землю, волочился по деревне, мужики говорили:

— Эвон, помещик наш идет,—и кричали вслед:—Смотри, лапоть потерял!.. Дмитрий оборачивался и, не поднимая головы, говорил вполголоса:

— Сам не потеряй, смотря!.. Ешь тя горой,--и шел дальше.

Обиднее всего было Дмитрию, что его дразнили помещиком.

В погожие дни из Дмитриевой избушки, как из лопнувшего горохового стручка, раскатывались в разные стороны полуголые ребятишки. И было удивительно, как умещалась в такой крошечной избенке вся эта орава. Ребята все были живучие: в огне не горели, в воде не тонули. И чего только с ними не случалось! Васька на пасхе упал с колокольни и каким-то чудом задержался на скате крыши второго яруса. Минька чуть было не утонул в колодце, куда он согласился спуститься на бадье за соленый огурец, который пообещала ему баба, если он достанет ведро.

В благодушные минуты Дмитрий любил говорить:

— Небось, на миру с голоду не помрем, ешь тя горой!

И, действительно, не умерли. Бывали дни, когда в избе с утра не было ни крохи хлеба. Даже соли не было. А смотришь—к вечеру все сыты. Каждый член Дмитриевой семьи сам себе промышлял пищу. Мавра шла к соседям помогать прясть или полы мыть и ее там кормили с Михеем, да еще и про запас давали краюху. Дмитрий уходил к кому-нибудь из зажиточных мужиков и долго сидел там на приступке у печки при входе, потягивая едкий тютюн, изредка вздыхая и покряхтывая. Хозяева садились обедать или чай пить и по обычаю приглашали...

— Домой иттить пора!—отговаривался Дмитрий.

— Что делать-то дома? Садись похлебай...

— Эх- ма, ешь тя горой!— кряхтел Дмитрий, кладя шапку на печку.—Похлебать и то,—и присаживался на кончик скамьи к углу стола.

Ел он не торопясь и по всем правилам, как учили его с детства: откусит хлеба, зачерпнет из общей чашки деревянной ложкой щей, осторожно поднесет ко рту, громко отхлебнет, запрокинув голову, положит ложку донышком кверху перед собой на стол. Так же управлялся и с кашей и картошкой. Наедался при таких случаях Дмитрий на целые сутки. Ванька, старший, который телосложением пошел в мать и в пятнадцать лет был на голову выше отца, летом плел корзины, а зимой на лесосеке пилил и рубил дрова. Но работенка на лесосеке выпадала редко, и Ванька большею частью ходил полуголодный, надеясь на материн кусок. Минька был мастак летом лазать по огородам, а весной зорить птичьи гнезда, доставая яйца и поедая их сырыми. Лучше всех питался средний—Сенька У этого всегда водились деньги и нередко он покупал в кооперации колбасу и ситный. Всем в доме было известно, что у Сеньки имеются деньги, но много ли и где он их прячет — никто не знал. Не раз Мавра и Дмитрий ночью обыскивали его карманы, но в них ничего кроме крошек не находили. Дмитрий вытряхивал эти крошки и говорил разглядывая:

— Вот, ешь тя горой, тут не жравши целые дни сидишь, картошки в глаза не видишь, а он ситный лопает. Гляди, колбаса всамделишная! ей бо, пра!!! Вот миллионщик, ешь тя горой.

Дмитрий считал колбасу самым дорогим и лучшим кушаньем на свете. И, мечтая о богатстве, думал, что вот ежели он разбогатеет, то будет есть только одну колбасу с ситным и утром, и в обед, и вечером. Ни щей, ни каши на обед не будет. А только одна розовая, сочная колбаса и чай .. И часто во сне ему снилось: он пьет чай и ест колбасу... ест, ест и все не может наесться.. и колбаса не убывает... Вообще об еде Дмитрий очень много думал. Сенька, чтобы не делиться ни с кем, ел то, что ему удавалось достать, запрятавшись где-нибудь на задворках, а летом за паскотиной в березняке. И доедал все до крошки—через силу, до тошноты, лишь бы не приносить ничего домой. И если, наконец, все-таки пища совершенно отказывалась проходить в горло. Сенька закатывал куски где-нибудь в укромном местечке или прятал в дупле. Мальчики завидовали Сеньке и не любили его. Ругали всячески за глаза и выслеживали его, стараясь найти место, куда тот прятал деньги. Васька соседский--сверстник Сеньки, маленький и угловатый, в рваных чоботах и огромной отцовской меховой шапке, говорил ребятам. —Не я буду, тудыть его... ежели кубышку его не нарушу... скрозь земли найду.. Голову ему свернуть жадюге!

Ребята, шмыгая носами, слушали его и одобрительно гудели, как их отцы—мужики на сходе:

— Правильно! Клин ему в рот!.. Жила, кулак как есть... Но в глаза все заискивали перед Сенькой. Заискивал даже сам Дмитрий. И хотя он отлично знал, что от Сеньки никогда ничего не получишь, но нет-нет да и опять принимался под'езжать к нему насчет денег... Обычно он начинал разговор о чем-нибудь совершенно постороннем (и притом так ласково, как ни с кем никогда не говорил):

— Ну, как, Сеня, мил друг... тово... етово, цветочки-то эва как расцвели! Смотри-ка на лугу-то... Сеня шмыгал носом и молча высвобождал свою кудлатую голову из-под руки отца, не переставая тщательно выводить на бумаге каракульки, записывая что-то.

Пишешь?—продолжал под'езжать Дмитрий. Сам он был неграмотный и смотрел на грамотных с почтением и опасался их. За исключением своих детей, которые хотя и были грамотные, но не входили в этот счет, и к которым Дмитрий всегда относился с чувством своего отцовского превосходства. Всегда поправлял их, когда они читали, учил, толковал, что какое слово значит:

— По фронту проскакал,—по складам читал Минька, водя пальцем по книге.—По хронту!— поправлял его Дмитрий,—грамотен, ешь тя горой! Читаешь и сам не видишь, чего читаешь.

— По фронту,—плаксиво повторял Минька...—Учительница сама говорила. —Дура ваша учительша, вот что... А ты слушай, когда старшие говорят.

Минька покорялся.

— «Эфтот», а не ет-от,—продолжал поправлять Дмитрий.—Как у ней язык-то не отсохнет у учительши-то вашей, чему ребят учит: ет-от!. Вертихвостка, ешь тя горой...

— Тять, она говорила...

— Заткни хайло,—грозно обрывал сына Дмитрий.

Одного Сеньку Дмитрий никогда не поправлял. И хотя тот, по его мнению, тоже читал неправильно и перевирал слова, он все же, кривя душой, даже еще хвалил.

— Правильно... во читать горазд!.. ешь тя горой!.. так и сыпит, так и сыпит... аж заслушаешься! «Пасаломщик» да и только!... Молодец, Сеня, умней ты у меня умного, право!

— Пишешь? — заглядывал Дмитрий через плечо Сеньки.

— Разуй глаза-то!.. Не видишь что ль!.. огрызался на отца Сенька.

— «Подчерк» больно хорош! — продолжал льстить Дмитрий,— когда успел и научиться так!..— И вдруг, осмелившись, произносил невнятно и просительно: — А как... деньжонки-то... копейки, а?... Пятачок бы мне дал? . Отдам потом... вот ужо дрова пилить у Новоселова. .— торопясь, боясь, что Сенька не дослушает, прервет его речь отказом, выпаливал Дмитрий. .

И Сенька действительно сурово прерывал его:

— Нету у меня денег.

— Нету?— еще тише и приниженней переспрашивал Дмитрий, словно не веря своим ушам.

— Эвот и нету... Откуда они у меня....

Дмитрий умолкал до следующего раза. И хотя наперед отлично знал, что не получит ничего от Сеньки, все же продолжал заискивать перед ним и при первом удобном случае снова приставал к нему с просьбой.

— И в кого только уродился, ешь тя горой, этакий... ну, и жаден на деньгу... Ух, и жаден... Кажись бы все один забрал, да слопал! — сокрушался, глядя на Сеньку, Дмитрий.

Однодеревенцы не уважали Дмитрия. Обычно они или вовсе не замечали его, или подсмеивались над ним:—Пустомеля-Емеля — «сурьезности в ем» нет.

С бедняками Дмитрий не сходился — на что? И своих дыр не перечесть, да еще на чужие смотреть. .

Чаще всего Дмитрий заходил к Новоселову.

У Новоселова был крестовый дом под железной крышей и мелочная лавочка, в которой имелось ядровое мыло, ржавая сельдь, ламповые стекла, сушки, которые не угрызешь, керосин, пуговицы и прочий товар. Дмитрий любил подолгу торчать в лавке: перекидывался шутками с покупателями, помогал Новоселову весить на больших весах овес и т. д. Новоселов— толстый бородач с клочковатыми бровями — принимал эти мелкие услуги от Дмитрия, как должное, и в благодарность иногда позволял себе шутить с ним:

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НОЧНОГО. Фото-этюд В. Сэпп.

— Так лаптем, говоришь, щи хлебаем, а?

— Какое там шти, Иван Гаврилыч,— подхохатывал Дмитрий,— хошь бы воду.

— А ты посоли, посоли ее... покрепче будет.

Новоселова в деревне звали «международной буржуазией».

— Промежду народа живет, от народа питается.

И когда какой-нибудь заезжий оратор, делая доклад о международном положении, упоминал чуть не через каждые десять слов «международная буржуазия», то большинство слушателей воображало себе эту международную буржуазию в виде толстого Новоселова, в засаленном пиджаке, развешивающего на весах соль в своей лавочке.

Перед этой «международной буржуазией» и юлил Дмитрий...

И если, заискивая перед Сенькой, он имел корыстные намерения и иногда даже, хотя и безуспешно, обращался к нему с просьбами, то ухаживания за Новоселовым были совсем бескорыстны. И когда приходилось Дмитриевой семье особенно туго и Мавра говорила:

— Хоть бы пошел, попросил у Новоселова пудовку до нови... Каждый день у него торчишь — друг-приятель поди-ка.

Дмитрий только вздыхал. Правда, он одевал шапку и шел к Новоселову, но там не смел заговорить о своей нужде и, как всегда, похохатывал на шутки Новоселова, помогал отпускать товар и сам шутил с бабами и мужиками:

— Ай, все с'ешь, тёта!? — взвешивая горох, говорил он,— смотри, бабам горох вредно есть.. брюхата будешь .. завсегда от гороху это ..

— Ну ты, харчок, туда же!—отталкивала его локтем баба.

Новоселов из подлобья наблюдал за сценой, откликался из-за прилавка:

— Али не мил тебе Дмитрий-то... «прикашик»-от мой «алигантный»,—и кивал на растоптанные Дмитриевы лапти.

Через небольшое, наполовину загороженное выставленными товарами, оконце в лавчонку заглядывали сумерки. Новоселов, чиркнув спичкой, зажигал висячую лампешку. На минуту острый запах керосина перебивал все другие запахи и в лавчонке становилось еще уютнее. Новоселов надевал на грушевидный красный нос очки и изредка поверх очков, поглядывая на Дмитрия, в уме соображая что-то, начинал щелкать на счетах. Подсчитав выручку, он вздыхал, встряхивал счеты и весил их на гвоздик поверх патента.

— Ну, никак и запирать пора. Давай нето болт-от из-под прилавка.

Дмитрий помогал закрыть лавчонку и потом долго еще сидел на кухне у Новоселова, наблюдая за тем, как ужинала Новоселовская семья, как Новоселов, потея и ухая, швыркал чай с блюдечка, держа его на растопыренных пальцах. Наконец поздно вечером Дмитрий возвращался домой.

В избе из-за экономии огня не жгли. Было темно. Мавра молча впускала Дмитрия и охая взбиралась на печь.

— Просил муку-то у Новоселова, нет?

Дмитрий молчал.

— Тебя спрашивают, аль нет? Или опять налился?

— Нет,— хмуро бурчал себе под нос Дмитрий.

— Чего нет!?. Не дал что ли?

— Не дал,— глухо отзывался Дмитрий.

Мавра ругала Новоселова, обзывая его кровопийцем, толстопузым международным проклятым буржуазом... Дмитрий лежал на палатях, мысленно возражал Мавре, но вслух не противоречил ей ни одним словом и только вздыхал.

Последнее лето было неурожайное. Свой хлеб у Дмитрия не уродился вовсе.

Туго приходилось Дмитрию. Хорошо еще работенка подвернулась. Новоселов нанял сено убирать.

В продолжение всего покоса Дмитрий жил вместе со всей семьей в балагане в поле. Около балагана днем оставался один Михей, все же остальные, с Маврой и Дмитрием во главе, работали на лугу. Дмитрий со старшим Иваном косил, а Мавра с младшими гребла и метала стога. Вершил стога деловой Сенька. Проворный Минька возил копны, а Панька с Тишкой подгребали.

И вот однажды в полдень, в самый разгар работы, из-за кустов, с того места, где стоял балаган, вдруг поднялось, как от взрыва, огромное облако дыма. Багровые прожилки огня пронизывали черные клубы... Дмитрий сразу понял, в чем дело, литовка выпала из его рук ..

— Горим, горим!.. взревел он и бросился бежать к балагану.

Вслед за ним прибежала Мавра и подхватила на руки далеко отползшего от балагана и этим спасшегося Михея.

В балагане была провизия, припасенная на целую неделю, лопотина, войлок, т. е. почти все движимое имущество Дмитрия... С всклокоченной бородой, бледный, ахая, кружился он вокруг пламени. Растерявшийся Иван схватил чайник и стал поливать из носка .. Но к огню и близко нельзя было подступиться. И было смешно видеть Ивана с чайником перед огромным пламенем, взмывающим выше деревьев.

Огонь, пропыхнув, быстро стал уменьшаться. Красное огненное сено темнело, превращаясь в пепел.

— Все пропало, все пропало!— Перепачканный в саже, лохматый Дмитрий, хлопая руками по бедрам, как черный коршун, метался над пепелищем.

Сбежался народ с соседних покосов... Кто-то вилами стал расшвыривать уже прогоревший балаган... Появились ведра, и на потухающий пепел полились потоки воды. Мавра, казалось, безучастная ко всему, стояла в стороне, держа на руках Михея, Тишка и Панька плакали, ухватившись ручонками за ее юбку. Пожарище залили... Дмитрий палкой разворачивал обгорелое сено.

— Все пропало, все пропало... и копенница хозяйская сгорела... откуда я другую возьму!..— со слезами в голосе причитал он, отрывая из пепла обрывки сгоревшей веревки и отбрасывая их в сторону, словно обрывки эти могли еще на что-нибудь годиться.

— И войлок сгорел .. Господи, куда теперь мы денемся.!?

К ногам Мавры упал клок обгоревшего войлока. Под пеплом Дмитрий отрыл свою новую рубаху, она сгорела как раз наполовину: остался один рукав и ворот. Сгорел и мешок, в котором лежала провизия. Зеленые огурцы изжарились, буханка хлеба обуглилась.. От Ванькиных сапог остались обгорелые головки. От Минькиной кацавейки—одни рукава.

Печально и тихо сегодня вечером было на Дмитриевом стане. Похлебка не варилась.. Ребята жевали обгорелый хлеб... Спать собирались под открытым небом.. Дмитрий для тепла одел половину обгорелой рубахи, Минька напялил рукава своей кацавейки...

— Пропали наши головушки...—выла Мавра:—совсем нагишком остались к зиме-то. Что теперь делать будем?.. Небось, буржуаз-то твой ни гроша не даст, даром, что из-за него всего лишились..

— Почто не даст,—несмело возразил Дмитрий,—поди, знат меня.

— Знат меня,—передразнила его Мавра,— у-у ирод проклятый..

Дмитрий молчал... Ему вспомнились слова Новоселова: «Один за всех, все за одного должны быть... Ежели я тебя, к примеру, хлебом или семенами когда ублаготворил, ты мне с уборкой поможешь и квит»...

Или как Новоселов учил его:

— Даром-то копейка ни одна не дается... Это девкам нагуливаться надо.. На то они и бабы, чтобы с брюхом ходить. А мужик должен всегда у дела быть. Хорошему человеку в нужде почему не помочь, а только с разбором помогать надо. Ежели он лежебок, да бездельник, так ему, сколько ни помогай, он таким и останется.. Копейкой его не исправишь, нет!!..

На другой день снова косили. Дмитрий построил новый балаган. Приехавший перед вечером на покос Новоселов долго выговаривал Дмитрию:

— Вы мне здесь сено попалите, Якуня Ваня! Чего глаза-то разул!..

Покончили с покосом дня через три. Мавра с младшими детьми ушла в деревню еще раньше. Дмитрий возвращался домой в обгорелой рубахе, Иван тащил обрывки обуглившейся кочмы. И в таком виде оба явились на двор к Новоселову. В лавку они постеснялись заходить.

Новоселов вышел на крыльцо и, как всегда, начал с шуточек

— А-а погорельцы пришли? Работнички?...

— Здравствуй, Иван Гаврилыч, к твоей милости... покончили с лугом-то. Копен 100 поставили, бог дал!

— Ну что ж рассчитаемся... Сколько тебе приходится?... Эй, Машка!...— крикнул он в сени,— принеси счеты из лавки...

Бледненькая, с веснушками, Машка выбежала со счетами. Новоселов, намуслив палец, неторопясь отложил несколько костяшек. Поверх очков взглянул на Дмитрия, сбросил костяшки, отложил еще раз и сказал:

— 15 рублей приходится, да полтора рубля копенница, значит 13 с полтиной...

Дмитрий молчал. Он до последней минуты не переставал надеяться, что Новоселов учтет его бедственное положение, то, что он — Дмитрий — погорел, работая у него на покосе, и накинет ему хоть малость сверх заработка, и вдруг... Дмитрий сначала даже не поверил своим ушам. Новоселов, отсчитывая деньги, чтобы прервать неловкое молчание, проговорил деланно развязным тоном:

— Погода больно хорошая... ведро!

Дмитрий, пыхтя и не глядя на Новоселова, долго возился, укладывая деньги в кисет...

Ванька черный, как уголь, свирепо взглянув своим единственным глазом (Ванька был кривой) на Новоселова, неожиданно выпалил:

— А кто ж виноват, что она сгорела, копенница-то.. У нас лопотины, почитай, на 30 рублей сгорело... На твоем же покосе... Вот так работнули!..

Дмитрий при первых словах Ивана испуганно отшатнулся. Но потом, как это всегда бывает с людьми запуганными, долгое время переносящими и терпящими разные невзгоды, когда чаша терпения их наконец переполнится и все наболевшее на душе бурно хлынет наружу, он вдруг закричал, как будто его режут:... И, крикнув первый раз, уже не стал себя удерживать, должно-быть решив, что теперь уже все погибло, все покончено с Новоселовской дружбой, что теперь все равно:

— Душегуб, буржуй! Отдай! Где наши деньги?... Ограбил!.. Язва!.. Ванька! Бей его топором... бей!..— захлебываясь кричал Дмитрий, потрясая кулаками и наступая на Новоселова.

Рыжая бородка и усы Дмитрия ощетинились, глаза сверкали... Ванька впервые видел таким своего отца.

Новоселов холодно поверх очков окинул Дмитрия с ног до головы:

— Вот оно что, Якуня Ваня! Так,—многозначительно ледяным тоном протянул он и ушел в избу.

С этого времени отношения между Новоселовым и Дмитрием резко изменились.. Как-то вскоре после описанного случая в деревне состоялось общее собрание насчет самообложения. Дмитрий, всегда пофыркивавший на бедноту и державший сторону зажиточных, на этот раз первый крикнул:

— Кулаков обложить, пускай платят... Буржуазов, которые капиталисты... Новоселова кровопивца!..

Мужики зашумели и многие с недоуменьем обернулись в сторону Дмитрия. И когда расходились с собрания, то говорили:

— А Дмитрий-то лешак! Смотри, в коммунию запишется... Ладно его Новоселов облагодетельствовал!—И посмеивались.

Но Дмитрий хотя и выступал на собрании против Новоселова, в душе опять был готов пойти с ним намировую. Так привык он в течение долгого времени тешить себя мыслью, что вот он хороший знакомый Новоселова — первого на деревне богача. И вот, мол, все отвертываются от Новоселова, презирают его, ругают международной буржуазией, а он — Дмитрий его друг-приятель. Новоселов богатеет — открывает магазин, такой, какой видел когда-то Дмитрий в городе, и берет к себе Дмитрия управляющим. На Дмитрии пиджак, сапоги гармошкой.. конечно, жилетка и все такое... И будто стало два Дмитрия: один, затаив злобу, искал случая, чтобы насолить Новоселову, а другой готов был вновь начать прежнее бескорыстное преклонение перед ним. И второй Дмитрий начал даже побеждать первого.

Встретив как-то вскоре после собрания на улице Новоселова, Дмитрий поспешно сорвал шапчонку и поклонился, стараясь перехватить взгляд Новоселова.. Но Новоселов не ответил на его поклон и отвернулся в противоположную сторону... Дмитрий сразу потускнел и забеспокоился:

— И здороваться не хочет, ешь тя горой!

Все соседи видели, что Дмитрий рассорился с Новоселовым и знали из-за чего. А потому, когда у Новоселова однажды ночью сгорел на лугу стог сена, никто не удивился, что Новоселов заподозрил в поджоге Дмитрия и подал на него заявление в суд

Дмитрия допрашивали и хотели даже арестовать, но в конце-концов взяли только подписку о неотлучке до суда.

На допросе Дмитрий много кричал, возмущался, ругал Новоселова, но никаких доводов в свое оправдание не приводил.

— Он меня по миру пустил... лопотину сжег. А теперь я же виноват... Я в суд на него не подавал, когда на покосе у меня вся одежда сгорела.

— Все говорят, что вы враждовали последнее время с Новоселовым, и говорят, что в отместку за пожар на покосе хотели поджечь его. Лучше сознавайтесь.

Следователь—молодой человек с румяным лицом и чуть пробивающимся пушком на верхней губе—пристально смотрел на Дмитрия.

— Никак нет! Мы не поджигатели,— упрямо твердил Дмитрий

— А где ты был в ту ночь, когда сгорел стог?

— Дома-тко... Где больше?.. Вишь, буржуаз какой!

— Хорошо... Тогда представьте свидетелей Имейте в виду,— при этом следователь окинул щуплую фигуру Дмитрия с ног до головы,—если вы не представите свидетелей, вам будет плохо.

— Как есть в чем мать родила... Пришли это: на мне полрубахи: один рукав, значит, полворота.. Кочма то же самое—клочья одни... действительно копенница...

— Позвольте, я вас спрашиваю не про то, как погорели вы, а о том, как сгорел Новоселовский стог.

— Значит, бедняк гори... Останься хоть в чем мать родила.. А ежели у буржуаза стог сгорел, так всех на допрос тянуть.. Вот это так!.. ешь тя горой.. Это ладно!

Следователь покраснел от досады, однако ничем не выказал этого чувства. Он был из комсомольцев и привык к критике, привык терпеливо выслушивать и терпеливо доказывать. И теперь, выслушав Дмитрия, следователь спокойно об'яснил ему:

— Я еще раз предупреждаю вас, что дело может окончиться плохо. Надо выставить свидетелей с своей стороны или привести факты.

— Хвакты, хвакты.. А это, значит, тебе не хвакт, когда мы, может, все в чем мать родила остались.

Так следователь и не добился ничего от Дмитрия. А Новоселов между тем выставил с своей стороны нескольких свидетелей, которые говорили, что будто бы видели в тот вечер Дмитрия недалеко от стога и т. д.

Когда суд приговорил Дмитрия к 6 месяцам лишения свободы, он не поверил и опять начал кричать свое:

— Нагишом пустил! В чем мать родила!.. А теперь я же в тюрьме сиди... Спалю! Вот-те Христос, спалю! Да что ж это такое, люди добрые!.. Матушки!

Из домзака Дмитрия выпустили недели через две, как социально неопасный элемент. Дмитрий угрюмый шел по деревне, опустив голову. Соседи-крестьяне кричали ему вслед:

— Ого! Дмитрия выпустили! Эй, помещик! Ну что, хорошо тебе дружок-то удружил?!

Если до суда у Дмитрия еще были колебания, то теперь он окончательно превратился в злейшего врага Новоселова.

И чтобы доказать, что он совсем не нуждается в Новоселове, Дмитрий с особенным старанием принялся за работу. Угрюмый и молчаливый, он с утра до ночи теперь пластался на дворе и в поле. Убрался с хлебом, стал возить навоз на поле. Кончил возить навоз — поехал с Ванькой дрова рубить. Потом всей семьей нанялись на молотьбу в совхоз. Работали там несколько дней. Около хлебных кладей тутукал трактор и над гудящей, как огромный шмель, молотилкой клубилось облако пыли. Сенька, сидя верхом на лошади, покрикивая и нахлестывая ее по бокам, вихрем носился по току, отвозя солому

от молотилки в кучу. Мавра с Тишкой и Панькой подавали снопы... Дмитрий и цыганистый Ванька орудовали около молотилки: один отгребал зерно, а другой наблюдал за подачей снопов. На этом же току, вблизи другой клади, гудела вторая молотилка.

Работа шла весело и споро.

Невдалеке на стану, перед построенным из береста навесом-балаганом, над огнем в котле варились щи из говядины. В жбанах стоял хлебный квас и здесь же на разостланной палатке возвышалась целая пирамида ржаных ковриг.

В обед, когда осеннее солнце, как золотой сноп, стояло в зените, когда от кладей падали короткие, четкие по-осеннему тени, весело шабашили и шли к стану. Семейство Дмитрия сидело за обедом отдельным кружком. Ели молча, не торопясь. Хлебали до тех пор, пока в котле ничего не оставалось. Потом с полчаса каждый занимался своим делом. Дмитрий, сидя в тени берестяного навеса, ковырял шилом обуток. Бабы мыли котлы и ложки. Сенька гикая возился с лошадью. Лошадь, оседая на задние ноги, высоко вздергивала голову. Сенька держал ее за повод и ругался, как большой мужик.

Дмитрий чувствовал себя на верху благополучия: семья была сыта, да еще впереди предстояло получить деньги. «Вот бы круглый год так работать,— думал Дмитрий,— каждый бы день варево горячее и хлеба вволю... Живи не тужи». И смотрел в сторону, где за желтыми жнивами виднелись золотые зароды анучинцев... Километров за пять от Сухого Дола, в котловине, была Анучинская коммуна... Дмитрий, любивший на потеху Новоселову всячески подтрунивать и смеяться над «коммунией», теперь, глядя на то, какие высоченные скирды хлеба были у анучинцев, как дружно они работали, какие они все были сытые и толстомордые и как ежедневно хлебали горячее варево, поймал себя на чувстве зависти к ним Но чтобы заглушить в себе это чувство, он сплюнул и выругался.

— Коммунию тут устраивают, ешь тя горой! И пошел на ток, где уже снова рататукал трактор и над молотилкой поднималась туча пыли.

На сумерках, когда, пошабашив и отужинав, мужики, покуривая, сидели у прогоревшего костра, пришли со своего стана коммунары. Все они были из суходольцев-бедняков, и Дмитрий знал их с детства. Коммунары со всеми поздоровались за руку и расселись вокруг костра.

Рядом с Дмитрием сели: справа Ометков, маленький черный, хромой на одну ногу бывший партизан и слева сырой и тяжелый Жуков—тоже из бедняков, которого, как он сам выражался, «заела семья» (у него было 11 человек детей).

Сначала говорили о погоде, о хлебах. И кто-то из совхозских рабочих сказал:

— Хорошо вам в коммунии жить: ни заботы, ни печали, хлеба вволю, одеты-обуты, а вот нашему брату – бьешься, как рыба об лед.

— А тебя кто держит? Пишись и ты — примем.— И Ометков хитро подмигнул.

— Взять, примерно, меня! — Жуков ударил волосатой рукой Дмитрия по колену,—с голоду песок ешь, ей-богу право, лопотины никакой, ребятишки лето и зиму босые ходили.. Как не подохли только... Разве мыслимое дело одному такую ораву ребят прокормить?.. А теперь вот живем и не тужим... Ровно все живем.

Дмитрий хмыкнул и, из-подлобья посмотрев на коммунаров, подражая Новоселову, презрительно протянул:

— Коммуния! Якуня-Ваня!..

Хотел еще что-то сказать, да не нашелся... И опять почувствовал, что завидует им.

Было уже темно. Со стороны анучинского стана донеслось ржание и протопал, потрясая землю, табун лошадей.

— Оська лошадей погнал,— промолвил Жуков, не обращаясь ни к кому.

А Дмитрий подумал, что вот в коммуне 30 голов лошадей и все лошади здоровые и сытые .. Богатство!.. А сколько земли поднять на них можно... У Дмитрия вертелось на языке спросить, как записаться в коммуну, но вместо того он, опять бессознательно копируя Новоселова, проговорил:

— Коммуния-то коммуния, а вон, говорят, в городе хлеба нет... Вот тебе и коммуния! Коммунары пропустили эти слова Дмитрия мимо ушей.

Подошел помощник заведующего совхозом Иванов. Ометков заговорил с ним о хлебах, о каких-то 8000 кило хлеба, которые совхоз должен коммуне. Жуков вставлял в их разговор свои замечания. Видно было, что как Ометков, Жуков, так и остальные коммунары хорошо знали все дела коммуны, интересовались ее хозяйством, как своим собственным. И всем им одинаково дороги были эти 8000 кило хлеба. Дмитрию было непонятно это. Примерно, вот он сейчас работает в совхозе, но ведь ему все равно, получит ли совхоз какую-нибудь прибыль в этом году или нет .. И какого качества будет совхозский хлеб. Лишь бы его—Дмитрия хорошо кормили, да платили бы за работу... А в коммуне все равноправные хозяева. А действительно, как хорошо работать в таком исправном хозяйстве, какое у анучинцев.. Ходить в сапогах гладкому и сытому... и ребятишки чтобы одеты и обуты были. Как это раньше не пришло ему в голову о коммуне!.. Вот бы куда давно надо было пристроиться.

На другой день, когда пошабашили, Дмитрий сам пошел на стан к коммунарам:

— А ну, пойду коммунию смотреть,— хитро подмигнул он Ваньке.

Коммунары отдыхали, сидя у костра... В сумерках, как исполинские горы, очерчивались в стороне скирды хлеба... У костра сидели все старики, помоложе разбрелись кто куда, большинство же ушло ночевать в коммуну, которая была недалеко за холмом. Дмитрий поздоровался и присел к огню. Коммунары толковали о своих делах. Говорили о том, что коммуна намолотит тысячи четыре пшеницы, да овса, да ржи... Что, по крайней мере, половину надо запродать. Да сдать по контрактации... Не торопясь, глядя на тлеющие уголья, коммунары высчитывали, сколько денег надо ассигновать на покупку новой жатки, на жеребца производителя... Жуков, взглянул на рваные Дмитриевы штаны, вдруг заговорил о мануфактуре.

— Перво на перво стребовать за хлеб плису, сукна, бабам ситцу...

— Много чего надо,—отозвался Ометков,—да эвот лень-матушка вперед нас родилась.— Сказал он это так, словно всех укорял в лентяйстве, и всем стало неловко от его колючего взгляда

А Дмитрий, не желая попадаться на глаза Ометкову, подался в тень. Но Ометков уже заметил его.

— Вот смотрите, добры люди, на индивидуального-то хозяина, ишь как раздобрел и пуп наружи!..

Коммунары дружно захохотали.

Но за Дмитрия неожиданно вступился Жуков.

— Семья заела.. ведь у него, почитай, сам семь...

— Плодовитый больно,— отозвался кто-то.

— Зачем плодовитый, семья заела У меня вон тоже 12 человек их... мелкоты-то...

Почти каждый вечер теперь стал Дмитрий приходить к коммунарам. Подолгу молча сидел он в их кругу, прислушиваясь к разговорам. Раньше Дмитрий любил повторять шуточки Новоселова:

— Коммуния!.. На общем котле сидят, одной ложкой едят... А я так кумекаю: пусть у меня хлеб да вода будет, да собственные, никто у тебя во рту кусков считать не будет

Теперь, после разрыва с Новоселовым, Дмитрий сразу прекратил все эти насмешечки. А после молотьбы вдруг заговорил совсем по-другому. По вечерам собирались мужики той части деревни, где стояла изба Дмитрия, покурить да потолковать к бревнам на лужке. Раньше Дмитрий очень редко выходил на бревна (потому что и Новоселов не любил туда ходить), теперь же его можно было видеть там чуть не каждый вечер. Сначала мужики встречали Дмитрия недоверчиво и подсмеивались над ним:

— Буржуаз идет! Что ж ты друга-то приятеля своего забыл?.. Смотри он скручинился по тебе... день ото дня сохнет, морда-то лопнуть хочет.

— А пшел он собака!.. Живоглот... — совершенно серьезно обрывал их Дмитрий.

— Али в коммунию писаться хочешь?

— А вот и запишусь .. Коммунары, брат, живут не тужат!

И начинал рассказывать, сколько хлеба нынче намолотили они, какой важный стал Жуков, какие гладкие у него ребята стали... А ведь был последний мужик на деревне, хлеб с землей ел.

— Ометков всем заправляет,—заканчивал Дмитрий таким голосом, словно и сам был из Анучинской коммуны — Ну и башка у него. За таким человеком не пропадешь.

Беднота стала относиться к Дмитрию с заметным уважением. И когда выбирали комитет взаимопомощи кто-то даже выставил кандидатуру Дмитрия. Первый раз в жизни Дмитрий слышал, как голосовали его кандидатуру. Правда, за него подняли руки только двое, но это нисколько не умалило чувства гордости, которое переполнило его в тот день!..

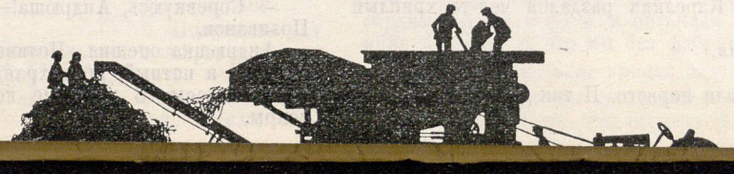
В семье Дмитрия теперь тоже только и разговоров было, что о коммуне. Ванька говорил, что у коммунаров телеги хорошие, на железных ходах:

— Легкие! Хоть сам вози...

Панька и Тишка нарочно побывали в коммуне и рассказывали, что все избы в коммуне стоят в ряд и крыты под одну крышу. что в избах светло и чисто, что печки чудные, маленькие, на две избы одна и на них совсем нельзя спать.

— А едят они,— рассказывал, шныркая носом, Тишка,— вовсе не из общего котла, а у каждого особая тарелка и железная ложка. Все бабы, девки в козловых ботинках ходят.

(Окончание в след. номере).

ФАБИЧНОЕ ФРОНТЕ

Рис. А. М.
Фото В. Сэпп.

Эскиз М. Кольчугина.

Группа рабочих фабрики „Феникс", первая вступившая в соц. соревнование, давшая фабрике ряд ценных изобретений и поднявшая производительность труда.

ной этого эскиза послужили случаи, имевшие место на одной из тульских скобяных фабрик в связи с соревнованием. Подлинные фамилии здесь автором заменены вымышленными.

В МАСТЕРСКУЮ солнце заглядывает только перед концом работы. С утра же до 3-х часов дня станки и приводы рокочут в тени, окутанные чадной поволокой.

Мастерская неспокойна во время работы: шелест ремней, разбавленный легким скрежетом железа, напоминает шум лесного ветра.

Соня Кубикова давно привыкла к лязгу машин, к ветру маховиков. Утром она сменяет белое платье на парусинный замасленный халат и садится за станок на целый рабочий день. Левая рука ее поминутно нажимает на рукоятку, правая подкладывает под пресс скобы.

Грохот и шум стоят над головой Сони. В ящик, поместившийся у ног, падают со звоном скобы.

Зараев Андрюша, сосед Сони по станку, ей говорит.

— Не пойму, Сонька, куда ты гонишь?. Оборвешь все жилы; брось гнаться за деньгами.

Соня на миг оглянулась. Андрюшка стоял за ее спиной. На нем была черная рубаха с разорванными рукавами. Его серые глаза лучили нескрытое недовольство.

— Не мешай, Андрей, некогда.

— Ты вместе с собой всех губишь,—продолжал Андрюшка, повышая голос. Подумаешь—«ревнование» проводит.

— Уходи!—крикнула Соня.

Андрюшка смутился.

— Соня, что с тобою?

— Если не отстанешь, позову мастера. Глаза Сони угрожающе сверкнули.

Андрюшка молча наблюдал за Соней. Он помнил вчерашнее собрание. Глаза Сони так же блестели, когда она жарко говорила собранию с верстака, точно во время торжественного празднования:

— Есть, товарищи, внутри каждого из вас такое чувство, которое подсказывает, что наше социалистическое соревнование—наше кровное, родное дело. Это классовое чутье надо откопать, встряхнуть! Надо зажечь его и оно вспыхнет невиданно ярким пламенем!

Собрание было после работы. Солнечные лучи наполняли мастерскую. Багровыми отблесками были закраплены трансмиссии и шкивы. Ремни паутинились в сине-золоченом дымке. Правая щека Сони была освещена солнцем. Когда Соня говорила, Андрюшка заметил по лицам большинства рабочих, что они были взволнованы. Андрюшка повернулся к соседям и вслух проговорил:

— Сказки рассказывает!—надрывался больше всех Андрюшка. Расскажи их своей бабушке.

— Мне минуты две еще – начала просить Соня.

— Довольно! Ясно!

Соня стушевалась. Виновато пожала плечем, дернула углом губ, уперлась на плечо усатого рабочего и спрыгнула с верстака на пол.

На смену Соне на трибуну верстака влез пожилой рабочий в синей рубахе с засученными выше локтя рукавами. Он положил о бедра руками, так крепко, что синие жилы на них взбухли.

— Ни в одной буржуазной стране нет такого нахальства, чтобы работать через силу заставляли. Это позор, товарищи! От этой повадки коммунистов надо отучить!

Он оглянулся кругом, ища поддержки со стороны остальных. Беглый, озлобленный взгляд его охватил вмиг всю аудиторию. На лицах рабочих застыло недоумение.

Усатый, который помог Соне спрыгнуть с верстака, крикнул вверх на рабочего с жилистыми руками и спросил:

— Кончил?

— Да—раздраженно ответил тот и слез с верстака.

Усатый влез на его место и заговорил.

— Я беспартийный, а вот после таких слов, что наговорил час этот оппозиционер, молчать нельзя! Как у него повернулся язык на такую брехню! До невозможности обидно, товарищи, что так говорит наш же брат. А ведь большой путь прошел К[ондрюшка] и испугался, сам не зная чего. Он вроде того человека, который хочет достать рукой вещь, что искал годы. А она, вещь-то, с ним. Мы, товарищи, упустим все, если послушаем Кузьмича. Ты, Кузьмич, хоть ты и старше меня. Детям ты говоришь а чертям?!

И тут забушевали рабочие:

— Правильно!

— Намордник ему, меньшевику! Говори, да не заговаривайся!

— Ехай к буржуям!

— Голосуй за принятие вызова!

— Выбирай делегатов для подписания договора на соревнование!

— Кулешова!

— Соню Кубикову!

— Грошина! Карелина!..

Под крики рабочих Кузьмич покинул собрание.

II.

Когда Андрюшка убедился в незыблемости Сониного решения вырабатывать наполовину больше прежнего, в его голову впилась одна мысль.

Минут за десять до обеденного перерыва он пошел к наждачному Поливанову. Поливанов, весь обшитый в недубленую кожу, сидел на низенькой скамеечке и ежесекундно нажимал ступней на бешено вертящийся наждачный круг. Круг гудел, звенел, захлебывался огненной щетиной, летящей в колени Поливанова золотыми струями.

— Вачька!—окликнул Андрюшка.

— Гей!—гаркнул в ответ Поливанов.

— Кончай на обед!

— Соревнуюсь, Андрюша!—не бросая работы крикнул, не оборачиваясь, Поливанов.

Андрюшка опешил. Поливанов продолжал работу. Его лицо грязный и потный, предохранительные очки влезли с глаз на кудрявые волосы. В кожаные колени попрежнему летели огненные искры.

— Ну, ну, не дурачься!—снова обратился Андрюшка к Поливанову, как бы шутя.

— Правда, правда!—оглянулся на него Поливанов, сверкнув глазами.

— Изменник!—с горечью выдавил Андрюшка.—Ты же вчера обещал итти на эту удочку.

Поливанов встал. Вытряхнул из кожаного фартука налетевший песок и полез за пазуху за кисетом с махоркой.

— Знаешь, Андрюш, большого дурака я спорол вчера Нынче беру свои слова обратно. К едрене бабушке.! Работать буду, чем меньшевикам прислуживать. Кузьмич-то в меньшевики вот стервец!

— Кто тебе сказал? Карелин, небось?

— Э—э, брось ты, все говорят.

— Дело не в Кузьмиче,—подумав, бросил Андрюшка.—Дело-то в том, что нас дураков выпытывают. Набавил ты 35 процентов, а завтра пятьдесят прикинут.

— Ну, что городить: делаем, что под силу.

Андрюшка все подлезал:

— Брось, Ванюшка, этим не выслужишься.

Поливанов дружески положил руку на плечо Андрюшке:

— Нет, Андрюш, не могу. Будь стервец, могу. Ну, знаешь, пришел вчера домой, стал [ч]ать: все подали заявления о надбавке нормы, [с]осед. Рядом, ведь, товарищи работают. А я [ч]ем же их?. Понимаешь, точит под сердцем, [с]пать не могу. Эх, думаю, а я то кто же? [Ч]ерт твою мать, на 35 процентов!

Работница фабрики „Феникс" Е. Калинина—активная рабкорка и изобретательница. Изобретение ее заключается в замене мыльного раствора щелочным, отчего увеличилась выработка скоб на станке.

Рабочий фабрики „Феникс" т. Селиверстов, поднявший норму выработки на 35 проц.

Андрюшка слушал, уставив взгляд в пол. Потом спросил:

— Ну, ладно... Дай мне шпиль.

— На что?

— Нужен.

Поливанов дал и попросил не сломать. Андрюшка внимательно осмотрел шпиль, позвенел его концом о бетонный пол, сказал, что вещь хорошая, и направился к своему станку.

В это время трансмиссии и приводы остановились. Поливанов взглянул в проход меж ремней. В чадном пролете, под ремнями, шедшими с приводов на станки, сидела в раздумьи Соня. Потом она оглянулась и крикнула:

— Поливанов, поди-ка сюда!

Он зашагал к ней, на ходу протирая носовым платком очки.

Соня рассказала Поливанову новость. Новость эта заключается в проделанном Соней опыте в выработке скобы при несколько новом способе. А способ этот заключается в следующем: скоба, падающая до пресса в мыльный раствор, прессуется в две секунды. Соня, для пробы и в целях экономии, влила в ящик вместо мыльного раствора-щелок. Получились неожиданные результаты: скоба стала прессоваться вместо двух—в одну секунду. Прессовка на щелоке пошла в два раза скорей! Соня сказала об этом мастеру. Он изъявил согласие сделать пробу.

Выслушав это, Поливанов сказал:

— Если это так, то выпуск скобы можно удвоить по всей фабрике.

— Конечно, конечно!—воскрикнула Соня, сверкнув радостными глазами,—мы и по соревнованию будем впереди всех фабрик!..

III.

В мастерской все стихло. Последние рабочие уходили. Солнечные зайчики неподвижно расселись на замерших шкивах.

Андрюшка прошел вдоль мастерской, до заднего угла, озираясь по сторонам.

Было тихо и пустынно. На обратном пути он вытащил стальной шпиль из-под полы гимнастерки и направился к Сониному станку. Около рукоятки стояло ведро со щелоком; тут же лежали брезентовые чехольчики: Соня надевала их на пальцы во время работы.

Работница фабрики „Феникс" т. Хильнович, первая повысившая свою норму выработки.

Андрюшка сел на скамеечку. Под станком стоял ящик, наполненный скобами. Андрюшка взял одну, повертел в руках. Подумал: «Отпрессовать сотню скоб—получишь 7 копеек. Сколько же раз Соне потребуется нажать рукой, чтобы заработать месячное жалованье?.. А вот сломать тот валик, скоро не заметят порчу, а выпуск скобы от этого уменьшится... Тогда посмотрим, как ты увеличишь норму»...

Но он отлично знал, что, Соня не сдаст. Наконец возможно, что мотут догадаться о порче станка им, Андрюшкой. Конечно, будет общественный суд .. Защита, как водится, будет говорить, что Андрей человек темный, некультурный и что всем коллективом надо добиться сделать из него хорошего строителя, что он исправится...

Мысль дальше пошла разматываться, как оброненный клубок пряжи.

— А какими глазами после этого я буду смотреть на товарищей?—вдруг задал себе вопрос Андрюшка.—А станок? Ведь он как сердце: плохое сердце и организм никуда. Плохие станки и фабрики плохие... А что мы без фабрик и без заводов?..

Андрюшка впервые крепко задумался.

Он вдруг соскочил со скамейки и понес обратно стальной шпиль к наждачному кругу, где работал Поливанов.

Преступление Лукашки

Эскиз Арса.

КОГДА Лукашка по утрам спешил через двор на улицу, уже грохочущую утренней телегой, на дворе у крыльца флигеля обычно всегда умывается, покряхтывая, черный, как жук, бородач Василий.. Василий, приглаживая ладонью свои подстриженные черные, как смоль, волосы, кричал Лукашке:

—А-а, бежишь, блоха тя ужаль, бежишь, стрекулист!... Ну дуй, дуй, а мы еще чайку похлебаем .. И, подставив лицо под струю воды, фыркая и отдуваясь, Василий принимался умываться... Потом не торопясь он пил чай, не торопясь шел на линию... И там, присоединившись к своей артели, отрабатывал свои 8 часов на ремонте путей. Лукашка был младшим ремонтным рабочим, но с мая месяца их 12 человек молодняка, откликнувшись на развертывающееся соц. соревнование, организовали при 3-м тульском участке пути М.-К. ж.-д. ударную бригаду... И с тех пор они работали отдельно своей бригадой. .

Сегодня, проходя утром через двор, Лукашка к своему удивлению не увидал Василия. Заглянул во флигель, но в общежитии было пусто...

— Ушли. . неужто опоздал?...—мелькнуло в голове Лукашки...— Вот те на...

Ведь уже целый месяц работала их бригада и не было ни одного опоздания, ни одного пропуска... 3-й участок вызвал на соревнование 2-й участок пути Московско-Курской ж. д.; их бригада горячо соревновалась с такой же, как ихняя ремонтная, ударной бригадой 2-го участка...

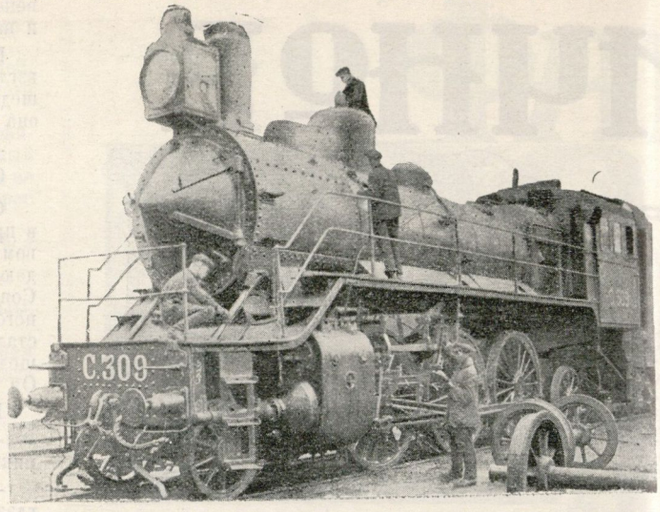
Ведь вот уже месяц и у них в бригаде 3 участка ни одного опоздания, ни одного прогула. Во всех почти ремонтных артелях на участке, как правило, систематически существовал недоработок, а ихняя ударная бригада дала 38 проц. приработка!—

Гони! гони, ребята. Забьем бригаду 2-го участка ..—торжествовал Лукашка вместе со всеми... И вот .. вдруг. . опоздание! Нет, не может быть! Еще не было первого гудка... Ведь гудок бы обязательно разбудил его... Правда, Лукашка вчера лег поздно... долго гулял с этой.. Лето ведь...

Лукашка ускорил шаги .. Конечно, еще рано .. Улица ведь пустынна... И вон (олнышк) еще только всплывает на крыши.

Бригада работала на линии на 3-м километре, недалеко от города. Поднимали путь, подбивали под шпалы балласт... Лукашка перешел мост через дымящуюся утренним туманом Упу и, окончательно разуверившись в возможности опоздания, весело зашагал по еще влажным от росы шпалам... Утро было тихое и ясное. Из заводских труб, как из гигантских бутылок, лилась в голубую небесную чашу черная масса дыма... Навстречу Лукашке с грохотом промчался, блеснув стеклами окон, пассажирский...

Сразу же за поворотом Лукашка увидел невдалеке работающую над шпалами артель... Со стальным тупым склеком била кувалда в рельсы.. Кто-то натужась выкрикивал:

Соревнование рабочих депо М.-К. ж. д. Ремонт паровоза.

—Еще раз, еще раз!..

И несколько человек, навалившись на лом, старались поднять шпалу.

—Все пропало, опоздал!.. наши ведь работают! — снова упал духом Лукашка...—Ну, знать, только принялись еще... Велика беда! —тут же успокоил он себя. Но подойдя ближе, Лукашка увидел, что это вовсе не его бригада, а Васильева артель... Василий, подбивавший под шпалу балласт, выпрямился и весело заржал навстречу Лукашке... .

—А-а, блоха тя ужаль! Забили мы артелью - то вас сегодня. . Ударники!

—Лукашка, озадаченный, не знал, что говорить... Где же бригада? Ведь вчера они здесь работали. А вдруг ее перекинули сегодня километров за десять куда-нибудь в другую сторону .. Вот это ладно будет! Вот тебе и опоздание... Тут уж не опоздание, а целый прогул!..

Лукашка вытер ладонью выступивший на лбу холодный пот и беспомощно оглянулся по сторонам... А рабочие, гогоча, оставили работу, столпившись вокруг Лукашки. Появились кисеты... задымились собачьи ножки!..

—Что ж это мы, ребята, и полчаса не проработали, а курить уж! —подмигивая на Лукашку, заметил Василий.

И, покрутив головой, тоже стал завертывать цыгарку.

—Смотри, ребята, этак социализму не построишь...

В ответ все дружно захохотали ..

И Лукашке казалось, что это над ним смеются, и что Василий нарочно издевается над ним. .

—Ты что ж, бригаду ищешь?— продолжал посмеиваться Василий, —Так ведь она эвон где... по ту сторону станции . Выходит, тебе вертать назад... километров восемь!

Рабочие изобретатели вагонных мастерских Московско-Курской ж. д.: т.т. Лыков, Борискин, Цветков, Абрамов, Магнев и Бурыкин. Они дали мастерской ряд ценных изобретений.

Рабочие изобретатели депо М.-К. ж. д. 1. Горшков И. Изобретен. им проверочн. станок дает 25 проц. эконом. во времени. 2. Беспалов Мих. Им сделан станок для подкладки дымогарных труб и другие усовершенствования.

Лукашка потемнел с лица и, повернувшись, молча, низко опустя голову, пошел прочь...

—Прогул, прогул!—гудели рельсы в такт его шагов...

—Лукаш, эй! стрекулист, блоха тя ужаль!.. Вон они где, тут в лощинке... Тебе смехом, а ты взаправду...

Дружный хохот рабочих заглушил слова Василия. Лукашка воспрянул духом, сплюнул и чуть не бегом пустился дальше... И, действительно, не дальше, чем за километр, в выемке, он увидел свою бригаду... Ребята дружно работали и никто не сказал ни слова, когда Лукашка подошел и взялся за кувалду... Словно и не заметили его... Работали без перерыва, четко, как машины. Лица у всех были серьезны, и на бровях блестел пот... Работали, как заведено было в этой бригаде, без всяких перерывов вплоть до 11 часов, когда на час полагался перерыв на обед... В этот час все должны были пообедать, наговориться, а потом с 12 до 3½ опять работа. Лукашка знал эти правила бригады и так же, как все, работал молча, напористо и горячо... Наконец настал перерыв. Все загалдели. Отошли в сторону на зеленый бугорок... Кто-то принялся кипятить чай, задымились цыгарки... И все 11 в один голос всей бригадой ударили по Лукашке.

—Провалил! прогульщик проклятый!.. Товарищи, сорвал ведь он работу нашу, а.. сорвал ведь!.. Без единого хотели, без единого опоздания, баранья твоя голова!.. Опередит ведь бригада 2-го участка! Зарезал!..

—С девками путался!

—Гнать его из бригады ко всем чертям, ударник бабий!..

Лукашка лежал на животе и с тоской глядел через головы товарищей куда-то вдаль — на телеграфные столбы, на провода.. На проводах сидела молчавшая тоскливая пустельга:

—Сам я,—Лукашка махнул рукой,— проспал товарищи, как крот проспал.. Э-эх мать честная!..

—Что ж, товарищи, выкидывать его из бригады-то с позором... нет ли?..

—Оставить на испытание..., раскаялся, черт с ним!

—Не буду больше... товарищи, провалиться мне, если хоть на минуту опоздаю...

—Это она все.. Эта... Ну ее...—бормотал Лукашка, уткнувшись в траву и боясь выказать свою радость. Пустельга вспорхнула и боком наискось полетела через поле. Белое солнце стояло над головой... Далеко из города донесся рев послеобеденного заводского гудка... Затюкали кувалды и заскрежетали лопаты, впиваясь в золотистый, с мелкой галькой, балласт.

—Навались ребята! Один прогул,—надо загладить, приработок увеличить, крой!..

. . . . . .

В сводке участкового штаба против ударной ремонтной бригады 3-го участка значилось: 8-мичасовой рабочий день нагружен на 100 проц, приработка за месяц 38 проц.. В бригаде не было ни одного прогула и только одно случайное опоздание.

Формовщики литейного цеха вагонных мастерских Моск.-Курской ж. д. Королев, Хрусталев и Кошелев, поднявшие норму выработки букс с 10 до 17.

СОРЕВНОВАНИЕ ТРАМВАЙЩИКОВ.
1. Рабочие пишут заявление об увеличении нормы. 2. Ремонт вагона.

На Красивой Мечи.

Зарисовка М. Калугина.

ХРОВОЙ краской расцветает закатное небо. Сумеречною синью подернулись спокойные воды Красивой Мечи.

Направо за бугром зелено копнится лесок.

Завтра будет хорошая погода, — сказала моя спутница Настя, посмотрев в сторону заката.

Я особенно люблю солнечные утра. По лугам мягко ползут туманы, ползут и тают, раскрывая буйные травы

Я спросил Настю, почему она так думает, что завтра будет ведряный день.

— А видишь, задымилось как,—указала она рукой вперед, где над речкой начинал собираться туман.

От колхоза ползут туманы. Там разговаривает на тонких голосах гармонь. Слышится песня:

В чистом поле—синем море
Девки воду носят...

— Жизнь у вас новая, а песни старые,— заметил я Насте.

Она поправила на груди потемневший от сумерок пунцовый цветок на белой кофточке и уверенно сказала:

— Через три года эта песня не будет в моде.

— Почему через три года, а не через два или четыре?

— Так в договоре значится.

Я заинтересовался. Неужели и в самом деле договор по социалистическому соревнованию предусматривает ликвидацию старинных песен? Настя же очень просто об'яснила;

— Через три года мы должны изжить поливку огородов ручным способом и перейти на орошение их машинным...

* * *

Особенно живо откликнулась на соревнование молодежь, в частности комсомол, —говорит мне т. Липаев председатель коммуны —Комсомольцы первые, с активом колхоза, выдвинули вопрос о вызове на соревнование косогорских заводов.

— Не знаем, как Косая гора, а «Красивая Мечь» выдержит на все сто!—подхватил парень в толстовке.—Ты, Василий Андреевич, на нас надейся,—сказал он т. Липаеву.—Мы покажем, как колхозники работают!

— Работать надо сильно,—соглашается Василий Андреевич и продолжает:

— В течение трех лет мы должны втянуть в колхозы до 600 бедняцких и середняцких хозяйств, повысить урожайность ржи на 65 процентов. Через три года в колхозе будет комбинированная электростанция, тракторная колонна в 15 тракторов, маслобойка, крупорушка. Будет воздвигнут детский городок, ясли и сад на 600 детей.

— Настя, слышишь?

Но Насти около меня не оказалось. Она затевала в толпе женщин беседу с вопросами и ответами:

— Как лучше добиться большой удойности коров?

— Когда лучше всего убирать сено?

— По скольку молока давать молодым телятам?

* * *

В горку идут темные, сосновые аллеи. Сад дышит здоровым смолистым воздухом. Внизу у реки жалобно стонет выпь.

Мы направлялись вверх под темным навесом, меж желтых колонн-стволов сосен. Где-то вглуби заиграла гармошка, а у помещения столовой коммунар в синей рубахе и черном жилете говорил:

— Эка молодежь! Гулять бы ей все. Не знают, чисто, что завтра спозаранку в поле надо..

— Мы свое возьмем, Степан Васильевич, —ответил парень в голубой майке, проходя мимо с девушкой.—Мы возьмем!...

— Не уступим косогорцам!.

СОРЕВНОВАНИЕ НА ПОЛНОМ ХОДУ. (Мастерская охотничьих ружей в Заречье).

Изобретатели рабочие: т.т. Вагин, Солянин, Кузьмичев и Чукаков (мастерская № 10 завода № 1).

ВЕРНЫЙ ПРИЦЕЛ

Очерк Ив. Костина.

Фото В. Сэпп.

ФЕДОР Гаврилович торопливо натягивал сапоги. Окно было раскрыто. В комнату врывался тот неповторяемый запах свежести, который бывает только на рассвете.

— Пора!—торопил Федор Гаврилович.

Он снял со стены ружье, взял приготовленную еще с вечера сумку с провизией, и по тихо поскрипывающим половицам мы торопливо прошли к выходу.

Ничто не нарушало рассветной тишины городка. Окутанные сумерками домики спали, разбросавшись на пышном одеяле огородов. Лозины стояли в полной неподвижности. На дороге тускло отсвечивали лужи, оставшиеся после вчерашнего дождя.

Когда мы вышли по узенькой тропинке за огороды, на распахнувшийся перед нами луг упали первые лучи солнца. Трава была покрыта тяжелыми каплями росы. Луг засверкал, задымился.

Федор Гаврилович прищурил глаза и поднял ружье. Большой заскорузлый палец литейщика уверенно лег на курок.

Федор Гаврилович стоит у домны около 40 лет. Но он любит домну по-старому, помолодому, и теперь даже вдвое больше, потому что домна стала его. И еще Федор Гаврилович сильно любит тишайшие июньские рассветы и охоту. Вот и сейчас: не успел еще оформить все дела с отпуском, а уже схватил ружье.

Этим ружьем Федор Гаврилович гордится. Он ухаживает за ним старательно и любовно, прочищая его по нескольку раз в день. Ствол ружья ослепительно сияет. Около прицельной рамки горит надпись: «Завод № 1».

Выстрел ударом обуха обрушился на тишину. Дикая утка, теряя перья и крутясь, упала в траву. И моментально, пока еще дымится ствол, мне пришли на память картины того, как делали это ружье.

1922 год

В цехе работало всего только 6-7 рабочих. Производство фроловских ружей было еще, можно сказать, в младенческом состоянии. Оно только что начинало развиваться.

Комсомольцы сошлись после работы в маленькой комнатке, выходящей окнами на заводский двор. До сумерок в комнатке стоял разноголосый, буйный галдеж. Остановились на таком решении:

— Давай, ребята, развертывать производство. Надо организовать комсомольский цех...

С этого и пошло.

Комсомольский цех был организован и принялся за работу.

Ребята наткнулись на громадные недостатки в производстве ружей. Как нужно делать ружья—почти никто из рабочих хорошо не знал. Стандарта не было. Брак принимал угрожающие размеры...

Начали с бесед об обработке ружья. Для этого использовали мастера и старых рабочих. На стене появилась витрина с хорошо обработанными деталями. Докопались до причин большого возврата ружей из мастерской № 23. Устранили эти причины. Установили единый стандарт, сократили лишние переходы. Стали приглядываться к соседям по работе.

Н. попыхивает папироской и лениво водит пилой. М. о чем-то мечтает, глядя в окно. Вихры на его голове задумчиво топорщатся...

Бац!

— Что такое?

— Кого?

— Да ну—у?!

У стенгазеты собирается толпа. Взоры всех устремлены на «анкету»:

Соревнование на фабрике „Пролетарский штамп“.

Рабочие-рационализаторы производства: т.т. Баташев, Лямин, Хлынин и Машков (мастерская № 10 завода № 1).

Справа (верхний): изобретатель рабочий Щербаков Михаил, уточнивший обрез накладки. Прежде 4 перехсда стоили 7 р., теперь они стоят 1 р. 35 к. Ниже изобретатель рабочий Аристов Андрей, уточнивший прошивку и угольник, что дало экономию в рабочей силе—вместо 4, теперь работает 1 чел.

Слева (в средине): рабочий Архипов Ал., не имеющий ни одного прогула, ни одного опоздания. Но на той же ф-ке плохой пример подает рабочий Манченков Мак. (на снимке ниже), прогуливая 3—4 дня в месяц.

Вопрос.
Как работает Н.?
Ответ.
Работает не спеша, ружья падают, как лапша...
Вопрос.
О чем мечтает М. на производстве?
Ответ.
Где бы голову свернуть полбутылке...

Это был первый удар по халатному отношению к производству.

Брак стал понижаться. По магазинке, например, он снизился вдвое. Соответственно с этим стоимость магазинки понизилась с 2 р. 75 к. до 1 р. 50 к. Браковщиком был выдвинут комсомолец Папков. Это тоже сильно понизило брак.

Во все уголки заглядывают комсомольцы. Дело о бесхозяйственности в кладовой передали в РКИ. Вносят предложения по улучшению производства. Одни предложения Папкова и Ильинского дадут около 3000 р. экономии в год. Именем комсомольца—изобретателя Ильинского—будет названо ружье.

Охотники будут выходить в рассветную тишину с ружьем Фролова—Ильинского...

Кто срывает соц. соревнование.

Рабочий фабрики им. Турчанинова Молчанов Илья является на производство в пьяном виде, имеет ряд выговоров. С ним соревнуется Бурыкин.

Не узнать мастерскую.—Громадное, светлое помещение. Гудит вентилятор. Из-под пилы сыплется на верстак серебристая металлическая пыль. Длинные просеки переплетающихся ремней уводят в глубь мастерской.

Для непривычного уха шум кажется нестройным, но постоишь, прислушаешься—и вот вырастает из шума плавный, быстрый ритм:

— Джи... Джи...

Это ритм работы, это ритм творчества.

Выписка из отчета:

В 1924-25 г. рабочий делал 5 ружей, а теперь—10-12.

Расценки понизились на 10 коп., а заработок вырос с 90 до 110 рублей.

В январе, феврале и марте молодежь прогуляла только 8 час. 45 минут. Заведен учет прогулов. Взрослые рабочие прогуляли значительно больше, но и они подтягиваются за молодежью.

К вредителям - беспощадны.

Шариков это знал хорошо, но старался всеми силами показать, что ему, Шарикову, в высшей степени наплевать на общественное мнение, и развлекался переругиванием с секретарем ячейки.

— Именем рабочих и работниц мастерской считаю суд по делу гражданина Шарикова открытым,—полным голосом произнес председатель суда т. Кожин.

Рабочий изобретатель Пчелкин с сделанным им глиняным самоваром. Глиняный самовар при массовом производстве стоит всего 3 р.

Мастерская застыла в напряженном молчании. Рабочие сидели на скамейках, верстаках, стояли в проходах...

— Гр-ну Шарикову, рабочему нашей мастерской, комсомольцу, пред'является обвинение в порче деталей ружья «Модель Б»,—продолжал т. Кожин.—Гр-н Шариков сломал метчик, оставив часть его в коробке ружья, и без разрешения администрации произвел отжиг в мастерской № 22, после чего просверлил коробку. Результат: брак коробки, брак болта шарнира, брак рамки затвора, брак винта и порча стволов.

Мастерская глухо зашумела Шариков принял оскорбленный вид и заорал:

— Что это за суд? Материалы обвинения неверны! Не мог же я, в самом деле, терять время на поиски администрации! Мне нужно деньги зарабатывать!

— Хорошо,—ответил судья.—А раньше у тебя брак был?

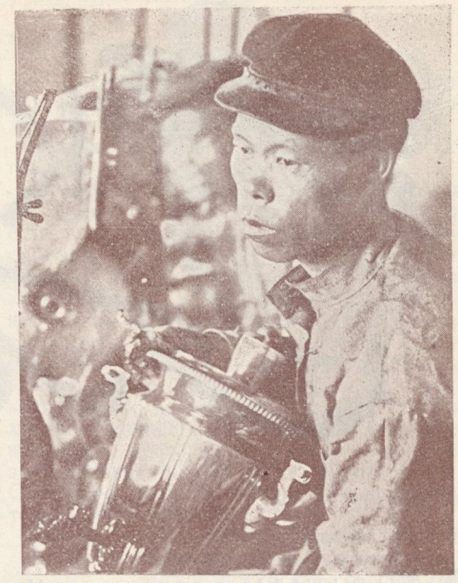
— По-моему, не было. Я старался...

— А что ты получил за это старание? Шариков побледнел и растерянным взглядом обвел мастерскую, ища сочувствия. Но лица рабочих были суровы и неподвижны.

— Два выговора,—хрипло произнес Шариков.

К столу подходят свидетели.

— Шарикову я говорил несколько раз: если что не сумеешь—иди к мастеру, спроси. Шариков плевал на мои указания,—отрубает заведующий мастерской.

Передовик по соревнованию, полировщик на самоварной фабрике им. Турчанинова, Кореец Эри Иван. Прежнюю норму в 80 самоваров он постепенно довел до 133. Весь цех теперь подтягивается за тов. Эри!

— Ему не дороги интересы производства, а дорог свой карман,—говорят другие.—С такими нам не по дороге. Мы хотим поднять производство. А Шариковы—Шариковы предают интересы производства.

Беспартийный рабочий Чижов попытался вступиться за Шарикова:

— Каждый старается заработать побольше... Нервы, знаете ли, того—этого, расшатываются... И вот, пожалте, брак...

— По себе судишь,—ответили ему рабочие.—Нам такие старатели не нужны... Не по пути...

Сотни осуждающих взоров направились на Шарикова. Тот сжался и бессильно опустился на табуретку.

— Последнее слово обвиняемому,—донеслось от стола

Шариков вскочил.

— Товарищи! Рабочие!

Голос его сорвался В мастерской стояла холодная тишина. Последние лучи заходящего солнца золотили окна и пестрыми пятнами ложились на полу. К потолку поднимались тоненькие струйки папиросного дыма.

— Товарищи.. простите! Я исправлюсь! Я... мне.. я, ведь, тоже в СССР живу! Товарищи! Не исправлюсь—гоните, как паршивую собаку! Но дайте возможность исправиться!

Суд удалился на совещание.

Приговор гласил:

Именем рабочих и работниц суд, руководствуясь интересами производства, постановил: по тяжести преступления Шарикова исключить из рядов рабочих. Но, принимая во внимание молодость и происхождение Шарикова (рабочий), снижаем наказание до выговора и просим перевести Шарикова на другую работу Ставим вопрос о возможности его пребывания в комсомоле.

. . . . . .

... Федор Гаврилович опустил ружье и любовно погладил рукой ствол.

— Хорошее ружье,—сказал он.

Ив. Костин.

Колхозник Глумов

Очерк Я. Лукьяненко.

МЫ ВЫЕХАЛИ на закате солнца. Направо по берегу расстилалась зеленая кустистая рожь, налево, блистая отражением солнца, спокойно катила свои воды река.

— А вот и Крюковский колхоз,— сказал мне председатель РИК'а тов. Кругликов, показывая на избенки поселка Крюкова.

Свернули с дороги влево и под'ехали к раскрытому бревенчатому амбару, около угла которого, улыбаясь, стоял председатель колхоза Глумов, одетый в зеленую зимнюю гимнастерку, оставшуюся еще, очевидно, от времен гражданской войны.

На ногах у него большие, с голенищами выше колен, сапоги, а на голове помятым блином сидела зеленая фуражка с потрескавшимся лаковым козырьком и как-то посмешному была сдвинута на затылок.

Улыбаясь, он подавал руку. На ней недоставало четырех пальцев.

— Ну, как дела, товарищ Глумов?

— Дела? — переспросил он.— Что дела? Они у нас теперь—во, на большой палец!—И он показал единственный палец правой руки.—Вот зимой дела, брат, были плохи. Совсем было разбеглись, а меня грозили напоить «красным чернилом».

— А что это значит?

— Э, брат, поживешь у нас, узнаешь.

— Убить,— сказал за Глумова Кругликов.

Привязав лошадь за угол амбара, мы пошли в хату Глумова.

Хата слеплена из булыжника и кирпичей, наполовину покрыта соломой, наполовину зарешетена хворостом. Внутренность ее разделена на две части: в одной—печь, две лавки, стол, над глухой стеной из жердей протянуты полати, на них сидела его жена с тремя,— один одного меньше,— ребятишками. В другой половине избы — чулане—кормушка для скота.

— Прось, а Прось, поставь нам самоварчик!—обратился колхозник к жене.

— Да что вы, товарищ Глумов, мы только что пили чай!—отказывались мы.

— Ну, что ж, попьете у меня,— настаивал на своем Глумов.

Оставив нас, он пошел к соседям за самоваром.

— Отчего же вы так живете грязно?— начали мы разговор с хозяйкой.

— У нас усе так живут,— отвечала хозяйка, коловшая чурбачек для самовара.— Это еще хорошо, зимой вот у нас заболела корова, так три месяца простояла в избе, а овцы до самой весны не выходили из-под полатей.

— В холода и лошадь тут была,— добавил Егорка, старший сынишка Глумова.

Из-под лавки вылезли три курицы и стали что-то клевать у печки.

— Чух, чух, чух, чух, чух—позвала Прасковья поросенка, заглядывая под печку.

— Мама, вон-он!— закричал Егорка, таща за уши белого поросенка с своих колен.

Девочка, поменьше мальчика, теребила поросенка за задние ноги, помогая брату. Поросенок невозмутимо лежал, похрюкивая.

Мать взяла поросенка, поднесла к посудине с вареной картошкой и стала его кормить.

— Вот и самовар,—сказал вошедший Глумов.

Через короткое время самовар, пофыркивая, стоял на столе. Глумов, наливая чай, говорил:

— Да, зимой, конечно, все это было. Мы собрались в этой же вот избе и, конечно, говорили о колхозах. И договорились: решили, брат прямо сразу организовать коммуну. Ну, ничего у нас не получилось. Мои компаньоны было расползлись поврозь, но я опять их уговорил еще годик поработать на уставе товарищества по совместной обработке земли.

— А разве у вас только товарищество?

— До коммуны нам еще далеко. Шкурники мы. За собственность крепко держимся. Это-то вот севу обобществили рабочий скот и инвентарь, а в прошлый год обобщена была только обработка. И такими шагами если будем двигаться, и то, поди, за пять лет далеко уйдем.

Он, немного подумав, продолжал:

— Да, дело это для нас, для крестьян, конечно, великое. Но только что ты поделаешь с нашим народом?.. Темнота!.. То согласны, а то как сходят к колдуну, известному богачу нашему, поговорят с ним, и хоть ты, что хошь, делай: не желам да и баста. Ты, говорят, хочешь крепостное право над нами учинить. Уж им так и этак говоришь, нет, не верют. А что плохого, скажем, нам от колхоза? Вот, к примеру, у меня одна лошадь, одер можно сказать, а не лошадь, корова, три овечки, пять человек семьи, землицы на четыре души.. Ну, скажем, вот весной, в самый разгар сева, заболей у меня лошадь, куда мне деваться? А в колхозе?.. Вон у Петра пала кобыла нынешнюю весну, слупили мы с нее кожу, вот и весь доход... Все же землица его посеяна, как и наша. Осенью купим лошадь. А будь он один был бы ему явный раззор... Выгода от колхоза, конечно, очевидная. Ну, что поделаешь с нашим неученым народом? Привык копаться, как жук в навозе, да и на. Наши дедушки пахали, говорят суком, и хлеба не поедали. А того не учитывают, что в этой вот деревне, где мы живем, и той вон Кукуйской, всего назад лет пятьдесят, как рассказывают старики, было десять дворов, а теперь, ты гляди, сколько расплодилось: деревня на деревне, изба на избе. А как живем мы? Лошади у хорошего хозяина лучше живут, а мы люди... Одно слово — голь! — и он оглядел свою грязную одежду.— Гимнастерка и фуражка еще от Красной армии остались, а то бы на улицу выткнуться не в чем было. А вон я был в образцовом колхозе... у них, брат, все машины делают, а живут они как, а едят, а одеваются?!.. Э, да что и говорить, выгода от колхоза большая...

Он снова о чем-то задумался.

За окном лаяли собаки и ревели коровы.

— Егорушка, сынок, ступай коровку встречай,—сказала Прасковья, обращаясь к старшаку.

Глумов, налив мне чаю, продолжал:

— Голь голью, а итти в колхозы не хотят. Однажды зимой собрались мы на собрание в Кукуе и, конечно, повели разговор насчет колхозов. На это собрание пришло несколько горлодралов. Ну, и пошло: спор, ругань, и чуть не дошло до драки... Да, спасибо, из райкома приехал один товарищ. Вдвоем с ним мы насилу сломили напор этих горлодранов. А мои члены кричат: «Выписывай из колхоза»!

— Беда — землеустройство у нас не проведено,—с горечью добавил Глумов.— Эх, если б землеустроиться, тогда б шабаш... А то што, кажный чувствует себя независимым. Колхоз само по себе, а он само по себе. Так-как, а не так—в кусты!

Соревнование учеников.

Подписание договора о социалистическом соревновании между 2-й и 4-й едиными школами.

Он допил чашку чая, продолжал беседу:

— Но я тому радуюсь, что теперь хоть настроение другое. Дали нам еще 40 гектаров земли. Все обрадовались. А зимой, у-у-у-, беда; через жену записок десять наверно получил с угрозой, дескать, не распустил колхоз—убьем. Прося, дай записки эти,—обратился он к жене, раскалывая ножом большой кусок сахара.

Жена подняла крышку красного, облупленного сундука и достала записки.

В одной из них было написано:

«Килан, если ты колхозну мишуру не распустишь, торчать тебе в реке вверх ногами. Понял? Степные орлы».

В другой еще наглее было заявлено:

«Великий голодранец, Глумов! К вам обращаемся по-дружески: разгони свой колхоз, а то убьем обязательно,—ты идешь спротя народу. За нас бог и народ. Народные представители».

В третьей говорилось:

«Последний раз упреждаем тебя, баламут народный, утопим в красном чернила, если в трехдневный срок не уберешься из нашего села с колхозом или заявишь народу о распущении такового.

Степные орлы, они-же народные представители».

— Все это, конечно, дело рук колдуна, о котором я уже вам рассказывал, и еще председателя кредитного товарищества Хапова. Вы не были у него?

— Был, два дня целых жил,— ответил я и вспомнил красное лицо Хапова

И Хапов говорил: «Поверь, брат, моему честному слову,— зря все это мы проводим колхозы, контрактацию, посевные товарищества. Ей богу, зря, народ спротив этого».

Картина становится ясной. Как трудно Глумову работать, когда рядом сидит у такого важного руля, как районное кредитное товарищество, обслуживающее целых восемь сельсоветов, мастер черных дел еще старой России кулак Хапов! Помощи бедноте он не оказывает никакой. Отпущенные на контрактацию 17000 рублей не использованы полностью. Половина из них употреблена на совершенно другие надобности, часть растрачена, а остальное пошло зажиточным. Тысячный фонд по кооперированию бедноты лежит без движения. Товарищество само еще в 1927 г. прекратило рост.

— Да, товарищи,— перебил мои размышления Глумов,—этот Хапов, как мы придем к нему за помощью, над нами всегда устраивает смех, а кредиты, которые нам по закону полагаются, приходится брать с бою. А иногда и так бывает: организует за конфеты десяток ребятишек, подпоит мужиков, и когда мы выходим из кредитки, нам вслед шумят: «Коммунисты! оглоеды! оборванцы!

— Едут! едут! — закричал вбежавший в избу Егорка.

— Кто едут?—спросил отец.

— Наши едут, с поля.

Егорка подошел к отцу и облокотился о его колени.

Мы вышли на улицу. Организатор колхоза остановил загорелых колхозников. Из-за угла, на паре вороных лошадей, везли одиннадцатирядную сеялку.

На другой подводе стояло семь плужков с зеркально-блестящими лемехами. За ними на повозках подвозили железные бороны. В стороне от четырех повозок, загруженных одеждой, мешками, хомутами, постромками, остановились три культиватора.

Колхозники быстро бросали лошадей и подходили к нашей тележке, окружив ее кольцом. Рядом со мной сидел Глумов По другую сторону, поставив правую ногу на колесо, стоял Кругликов и угощал колхозников «Пушкой».

Однодеревенцы колхозников тоже подходили к нам.

Не желая задерживать долго колхозников, мы открыли летучую беседу. Для начала заслушали коротенькое сообщение Глумова о проведении весенней посевной кампании. В короткой речи организатор колхоза горячо говорил о достижениях и закончил тем, что они опередили всех крестьян: отсеялись первыми и на сто процентов провели агроминимум.

После этого начались выступления.

Локтями раздвигая людское кольцо от заднего культиватора, пробирался колхозник в серой рубахе и лаптях.

— Это мой самый активный парень: Ломов,— сообщал мне шопотом Глумов

Ломов говорил о том, что по старому теперь жить нельзя, что всему старому пришел, стало-быть, конец. Октябрьская революция над всем старым поставила огромный крест, а мы должны строить новое

Народ все подходил и подходил, и скоро от раскрытого амбара до самой дороги белели женские платки, мелькали черные, рыжие и седые бороды пожилых и загорелые лица молодых пахарей. В толпе юркали босоногие мальчишки.

За деревней солнце опускалось все ниже и ниже, обливая вишневым соком горизонт и засеянные поля.

За колхозником Ломовым, прямо из пестрой толпы заговорил скуластый чернобородый, сухой и высокий старик.

— Я вам скажу граждане и товарищи, вот вы говорите о колхозах. А што с нами гуторить о них? Я так своим умом сужу: чем об этом разговор вести, лучше б показали этот колхоз. Вот, мол, мужички— товарищи, любуйтесь... на-те вам усе, работайте. Мы, может, и вступили б. А то опять все с нас. На чево же это похоже?..

Его перебили голоса:

— Эх, дед Евграф, опять ты попер супротивицу!

— Не в туда лезешь, Евграф!

— Ему все дай.. Да ты вступай в колхоз со своим хозяйством.. поучись у молодых..

Старик скрылся за толпой. За ним заговорил другой, помоложе.

— Евграф стар, это верно, но он кое в чем прав, это—тоже верно. Я так мыслю: есть у нас вот колхоз, ну, и пускай. Посмотрим, что из опыту товарищей получится. А так, вобче говоря, колхоз штука хорошая. Это мы понимаем, но опыту не имеем. Да и людей нет у нас таких, которы б могли обрацзово дело поставить. Вот, стало-быть, куды дело-то упирается. Многие боятся и того: ну-ка вступи,—а дело расклеится, что делать потом станешь? То я хозяин: лошадь у меня, корова, а когда я вступлю и прогорю, я должен лишиться этой живности. Вот чего боятся. Вон из Северного колхоза вытурили одново, ему теперь хуть помирай..

— Дельно, Максим, вот те Христос дельно,— заговорил лысый мужик лет сорока пяти. — Вот Глумов великое дело затеял и нашему народу надо его поддержать, а он нам, глядишь, пример покажет. А у нас што? Злоба противу ево у многих есть. А отчего? Привыкли мы жить хозяевами и страшно нам нового. А того не понимаем, что гарнизация нам нужна—во! и он показал на горло,—позарез!

Многие выступали. Многие прямо большевистские мысли высказывали, но зачастую хорошие мысли затуманивались недопониманием, потухали, не делаясь ясными.

Последним говорил Глумов.

— Дорогие товарищи,—обратился он к крестьянам. — Вы все знаете, каких трудов нам стоил колхоз. Кулаки над нами сначала смеялись, а потом стали грозить. А вы подумайте, что лучше. Вот ежели будут развиваться кулацкие хозяйства, то у нас, стало-быть, в недалеком будущем образуются новые помещики. Вот я и хочу у вас спросить, а нужны они нам?

— Не нужны!!

— Ну, вот, явственно, конечно, не нужны. А нам выкарабкаться из этой нищеты поодиночке невозможно. Потому что в нашей деревне все пашут сохами и на трехполке, а без достаточного удобрения, какой урожай? Плохой, можно сказать...

— Никудышной!—вставил лысый мужик.

— А в колхозе сами видите. Мы вот все бедняки в колхозе, а посмотрите: уже отсеялись, а у нас у деревне лучшие хозяева и то еще сеют. Вот вам выгода. А Евграф што: он в кулачки метит. А нам ни кулаков, ни помещиков не надо.

— Правильно!

— Правильно говорите, а ежели правильно, то да здравствует коллективное хозяйство!

Кругом дружно зааплодировали.

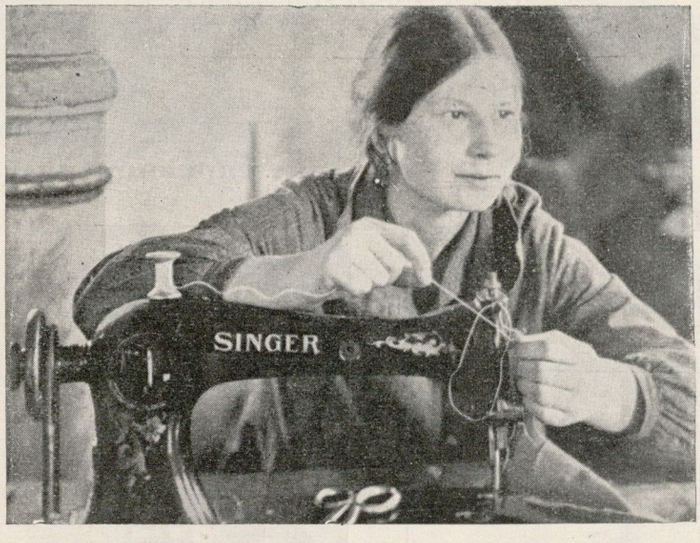
Ломов, сжимая кулаки, прокричал:

— Пусть шипят гады—кулачье, а мы свой колхоз построим и отнимем у них бедноту!

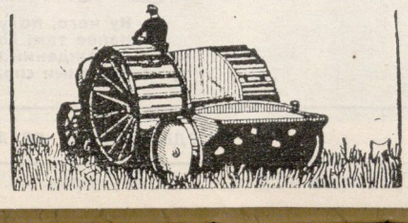
Тут же, на общем собрании, колхозники договорились об обработке поля беднячки Козлихи.

— Ну, ребятки, по домам,— об'явил Глумов.—Собрание об'являю закрытым.

Вечерело... На небе выступал посев звезд. Мимо нас с полей проезжали одиночки-пахари с тяжелыми сохами. Народ кучками расходился по деревне, продолжая спор о колхозе.

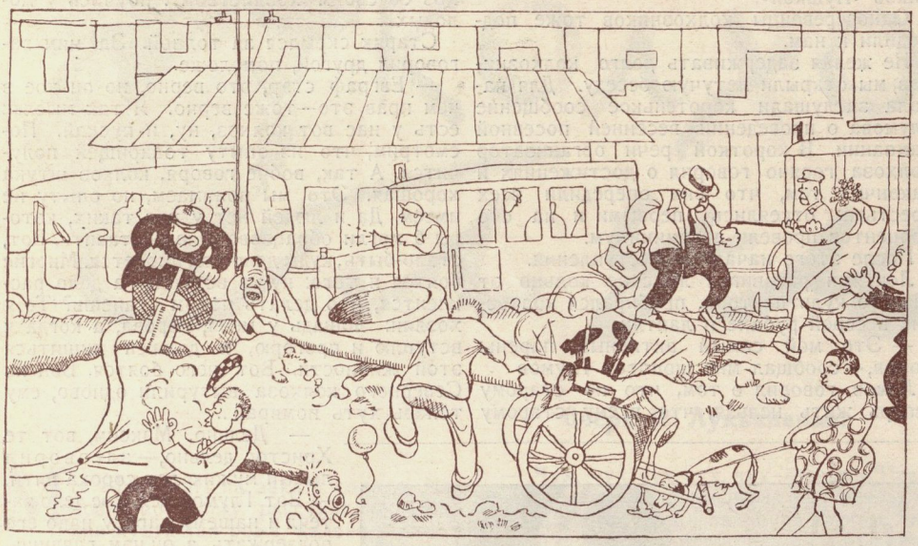

КОМСОМОЛКА ШВЕЙНИЦА. Фото-этюд В. Сэпп.

САТИРА и ЮМОР

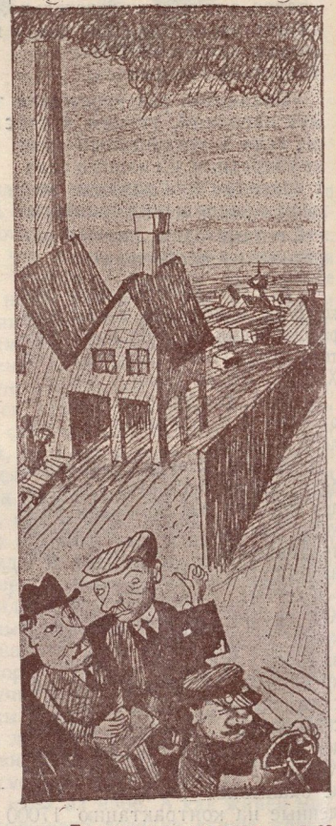
Каналстрой в Туле. *Рис Жарова.*

В разгаре соревнования.

— А здорово прокатили прогульщиков.
— На то и наш цех прокатный.

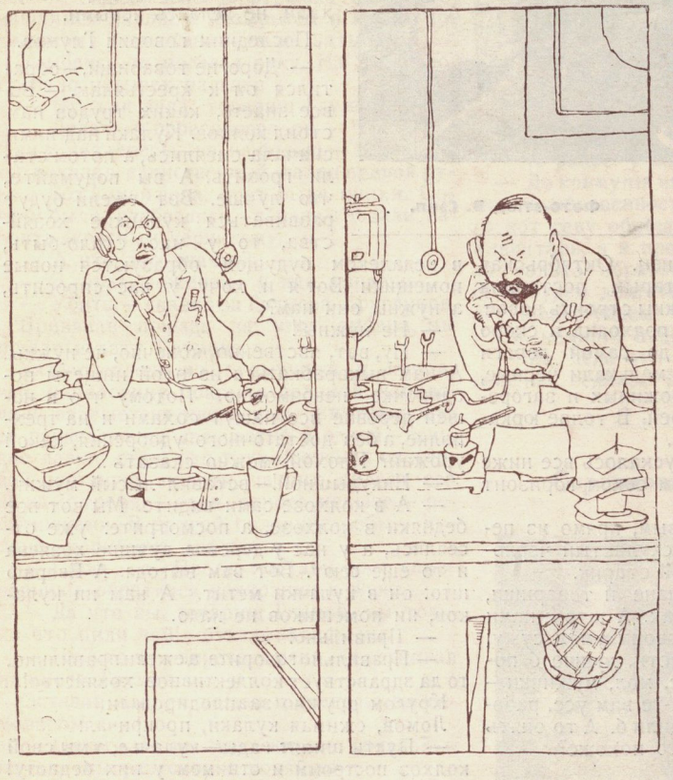

— Почему вы вызвали на соревнование такой слабый завод?
— Чтобы не было никакого беспокойства.

Тоже соревнование.

Как снег на голову.

Административно-технический аппарат во многих случаях все еще тянется в хвосте соревнований.

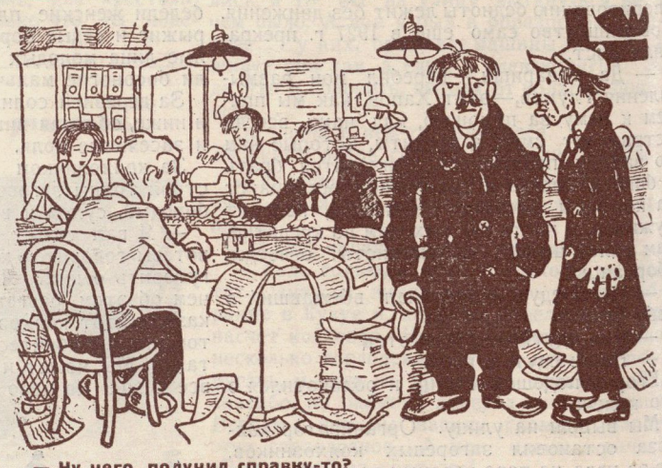
— Иван Николаевич, слыхали? Наш завод вступил в соревнование?

— Да ну! Откуда вы взяли?!

— Только-что в вечерней газете прочел.

— А наш фабком вашего всегда перепьет!

— Ну чего, получил справку-то?
— Какое там! Совсем не добьешься ничего! У нас, говорят, сейчас в учреждении соревнование на лучшего работника идет, а вы тут со всякими справками лезете, — работать только мешаете!..

Издатель — газета „Коммунар".

Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, А. Медведев, В. Старцев.

Тулгублит № 832 Типография Тулпечати—Тула, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 3704. Тираж — 3000 экз.